

А.А. Некрасов

**Становление
и этапы развития
западной советологии**

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

А.А. Некрасов

**Становление и этапы развития
западной советологии**

Текст лекций

Ярославль 2000

ББК ТЗ(2)6
Н48

Некрасов А.А.

Становление и этапы развития западной советологии: Текст лекций
/ Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2000. 68 с.
ISBN 5-8397-0085-1

В настоящем издании рассматриваются основные этапы развития славяноведения и советологии на Западе на протяжении XX века, дается краткая характеристика советологических центров и периодических изданий в США и Великобритании, освещается деятельность выдающихся советологов и анализируются их основные труды. Текст лекций подготовлен на основе материалов зарубежных архивов, западной периодики, многочисленных советологических исследований, а также российских и зарубежных работ по историографии и методологии истории.

Предназначено для студентов исторического факультета в качестве учебного пособия к специальному курсу лекций по истории западной советологии.

Автор выражает глубокую признательность АСПРЯЛ (АСТР), Ассоциации Фулбрайта, Британской Академии, предоставившим гранты для проведения научного исследования в США в 1994 и 1996/97 гг. и в Великобритании в 1999 г., сотрудникам библиотек и архивов Гугеровского института (США) и Лондонской школы славяноведения (Великобритания) за содействие в подборе материалов, а также американским и британским коллегам: проф. Уильяму Чейзу (Питсбургский университет), проф. Фредерику Скинеру (университет Монтаны), проф. Эдварду Эктону (университет Восточной Англии), проф. Роберту Дэвису (Бирмингемский университет), проф. Джону Барберу (Кембриджский университет), проф. Питеру Гэтреллу (Манчестерский университет) и многим другим за всестороннее содействие, ценные замечания и дружеское расположение.

Рецензенты: кафедра отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского;
доктор исторических наук С.Г. Осьмачко

ISBN 5-8397-0085-1

© Ярославский государственный
университет, 2000
© Некрасов А.А., 2000

Введение

Западная советология прошла в своем развитии длинный и сложный путь, полный драматических коллизий, сомнений, попыток самоидентификации, высоких достижений и очевидных заблуждений.

Само понятие “советология” возникло не сразу, оно вошло в научный обиход после второй мировой войны, когда на волне повышенного интереса к Советскому Союзу на Западе началось формирование междисциплинарных исследовательских центров для изучения русской и советской истории, политики, экономики, русского языка и культуры. Содержание термина “советология” до сих пор четко не определено, и исследователи трактуют его по-разному: либо как синоним историографии истории советского общества, либо как дисциплину, относящуюся к сфере политологии и социологии, либо как комплексное изучение Советского Союза с применением методов различных общественных наук, в частности, истории, политологии, социологии, экономики и других. В зависимости от этого понимания специалисты и занимают ту или иную позицию в споре о достижениях и просчетах советологии, а также ее дальнейшей судьбе. Если советологию понимать как историографию, то ее предметом является советское прошлое во всех его проявлениях, если же как политологию, то следует признать, что предмета ее исследования больше не существует, и в этом качестве советология не имеет перспектив развития.

Мы исходим из понимания советологии как историографии советского общества, поэтому в настоящем исследовании употребляем оба этих понятия как совершенно идентичные и взаимозаменяемые. Разумеется, западная историография, так же как и отечественная, а возможно, и в большей степени, всегда испытывала на себе влияние и политологии, и социологии, и культурологии. Тем более это характерно для нашего времени, когда междисциплинарные связи постоянно расширяются, и исторической науки в чистом виде практически не существует. Поэтому, когда мы отождествляем советологию и историографию, мы отнюдь не низводим первую до одной из ее составных частей, а, напротив, признаем значительно усложнившийся, мультидисциплинарный характер современной исторической науки.

Употребляя понятие “западная советология” или “западная историография”, мы ни в коей мере не намерены нивелировать национальные историографии стран Запада, игнорировать их особенности, складывавшиеся десятилетиями. Речь пойдет о некоторых общих, но проявлявшихся по-

разному, подходах историков западных стран, прежде всего США и Великобритании, к изучению советской истории, резко отличавшихся по своей сути от подходов советской историографии. Кроме того, современная историография в высшей степени интернациональна, многие историки свободно переезжают из одной страны в другую, общаются между собой, вырабатывают совместные подходы, участвуют в международных научных проектах, поэтому концептуальные различия проявляются скорее на личностном, нежели национальном уровне.

В данной работе предпринята попытка объективно рассмотреть процесс становления советологии как науки и основные этапы ее развития, возникновения исследовательских центров и периодических изданий, проблематику советологических исследований, борьбу направлений в советологии и вклад каждого из них в историческую науку. В столь кратком исследовании, разумеется, невозможно в равной степени остановиться на всех проблемах, связанных с советологией, поэтому некоторые из них будут лишь обозначены.

Отношения между западной и советской историографией складывались непросто. Идеологическое противостояние требовало от советских историков резко критического отношения к так называемой “буржуазной историографии”. Принципы такой критики сформулировал еще В.И. Ленин, настаивая на применении классового подхода к буржуазным историкам с точки зрения их полезности или вредности для пролетарского государства. Для ленинского стиля критики было характерно “приклеивание ярлыков” к неугодным авторам или периодическим изданиям с целью их дискредитации. Так, интереснейший, но очень недолго просуществовавший в 1922 году журнал “Экономист” был охарактеризован Лениным как “орган современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т.п.”¹ Подобные оценки являлись, как правило, сигналом к “травле” в печати и последующих репрессивных мер в отношении “провинившихся”. В 1920-е годы многие видные партийные и советские работники выступали в печати с критикой буржуазной идеологии². Эта критика была направлена в основном против работ историков-эмигрантов,

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 31.

² Невский В.И. Реставрация идеализма и борьба с новой буржуазией // Под знаменем марксизма. 1922. № 7-8; Бубнов А.С. Буржуазное реставраторство на втором году нэпа. М.; Л., 1923; Горев Б.И. На идеологическом фронте. М., 1923 и др.

поскольку именно они составляли основную массу исследований о русской революции и пореволюционной советской политике и экономике. Уровень этой контрпропагандистской литературы был в целом невысок, авторы не ставили своей целью разобраться в нюансах эмигрантских и западных оценок советской действительности, задача была одна - разоблачить попытки “буржуазного реставраторства”.

В 1950 - 1960-е годы, когда на Западе начинается бурное развитие советологии, в советской историографии формируется особое направление - “разоблачение буржуазных фальсификаций истории СССР”. Сначала главным объектом критики становятся исследования западных авторов, посвященные второй мировой войне, затем - о советской политике 1930-х годов, в частности о коллективизации и индустриализации, и, наконец, о НЭПе. С начала 1960-х годов значительная часть советской “критической” литературы создается сотрудниками только что восстановленного Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Примерно раз в два-три года институт издавал специальные выпуски “Трудов...”, посвященные критике буржуазной историографии. Кроме того, в основных советских исторических журналах: “Вопросы истории” и “История СССР” - регулярно и довольно оперативно появлялись рецензии на советологические исследования. Основной поток советской “критической” литературы был довольно однообразным и агрессивным по отношению к западным авторам, она была сплошь заполнена пропагандистскими штампами, специфической лексикой, характеризующей деятельность “фальсификаторов” (“силятся доказать”, “клеветают”, в лучшем случае - “хотят разобраться, но не могут”!)³. На этом фоне очень странно смотрелись те немногие исследования, где советские историки пытались объективно анализировать статью, книгу или творчество в целом того или иного советолога. К таким работам следует отнести статью А.М. Неймана о методологии Эдварда Карра, опубликованную в знаменитом методологическом сборнике “Историческая наука и некоторые проблемы современности”, подготовленном сектором методологии Института

³ Александрова Т.А., Соболев Г.Л. Вопросы истории социалистического строительства в СССР в американской буржуазной литературе // Труды ЛОИИ АН СССР. Вып. 3. М.; Л., 1961; Ваксер А.З., Скляр Л.Ф. Против извращения истории классовой борьбы в СССР при переходе к нэпу // Там же; Шишкина И.М. Современная буржуазная историография о Советском государстве в начале 1920-х годов // Там же. Вып. 14. Л., 1973 и др.

истории под руководством М.Я. Гефтера⁴. Статья написана весьма квалифицированно и дает неплохое представление об очень влиятельной на Западе, но практически недоступной советскому читателю книжке Карра “Что такое история?” (Л., 1962). Автор очень мягко критикует Карра за его заблуждения и совершает при этом три непростительных для советского историка ошибки: во-первых, называет Карра “крупным” историком; во-вторых, в названии статьи вместо слова “буржуазная” ставит “немарксистская историческая мысль”; в-третьих, рассуждает о методологии, то есть косвенно ставит правильность марксистско-ленинской методологии под сомнение. Впрочем, последнее характерно для всего сборника. Неудивительно, что книга эта была подвергнута резкой критике, а сектор методологии закрыт.

Небезынтересна в некотором отношении и книга Б.И. Марушкина “История и политика. Американская буржуазная историография советского общества” (М., 1969). Автор не только критикует работы американских историков и политологов о революции, социалистическом строительстве 1930-х годов и второй мировой войне (впрочем, в традиционном для советской историографии “разоблачительном” духе), но и посвящает отдельные главы характеристике некоторых советологических центров в США и основных концепций советологии.

“Критическая” литература 1970 - 1980-х годов исчисляется сотнями наименований, достаточно однородна по своему характеру и в целом малоинтересна. Наивно было бы думать, что вся эта “армия” критиков, в совершенстве владея иностранными языками, дни и ночи просиживала в спецхранах московских и ленинградских библиотек, штудировав труды “буржуазных” авторов. Это было совершенно излишним. Десяток-полтора избитых клише, немного творческого воображения, два-три тома Ленина и сборник материалов очередного партийного съезда - вот и весь необходимый арсенал “специалиста” по критике западной историографии. Далее производился ряд нехитрых логических операций в форме противопоставления “измышлениям” западных авторов цитат из Ленина или элементарных штампов из школьного учебника истории - и статья готова!

Справедливости ради следует отметить, что не все советские историки поступали таким образом. Исследования таких авторов, как Ю. Игрицкий,

⁴ Нейман А.М. Некоторые тенденции развития современной немарксистской исторической мысли в Англии и теоретико-познавательные воззрения Э.Х. Карра // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.

Н.В. Щербань, Г.З. Иоффе и некоторые другие, если и не очень отличались от основной массы “разоблачительной” литературы по тону критики, то были весьма информативны. Они зачастую были едва ли не единственным источником информации для читателей о том, что происходит в зарубежной историографии. Вероятно, возможность получения такой информации из первых рук побуждала и самих авторов заняться “критикой”.

Как бы то ни было, в эти годы советскими историками все-таки был сделан еще один шаг вперед в исследовании советологии - она была разделена на два направления: **консервативно-реакционное** (Ричард Пайпс, Леоноард Шапиро и др.) и **либерально-объективистское** (Эдвард Карр, Моше Левин и др.). Различие этих двух направлений состоит в том, что если представители первого сознательно фальсифицируют советскую историю, то “объективисты” действительно хотят в ней разобраться, но не могут этого сделать в силу своего буржуазного происхождения⁵.

Перестройка не сразу внесла сколько-нибудь существенные изменения в советские исследования о буржуазной историографии. Почти до конца 1980-х годов советологов продолжали клеймить почти в тех же выражениях, что и раньше, правда, ссылаясь теперь уже на Горбачева и решения XXVII съезда КПСС, причем этот консерватизм сильнее, чем в центре, ощущался в ближней провинции (Казань, Калинин) и в союзных республиках, кроме, пожалуй, Прибалтики. В то же время в периодических изданиях, как специализированных исторических, так и общегуманитарного профиля, публиковались материалы “круглых столов” по проблемам западной историографии, интервью с советологами, началось издание книг зарубежных авторов⁶. Сложилась парадоксальная ситуация, когда, скажем, А.Н. Сахаров в 1987 году на “круглом столе” историков в редакции журнала “История СССР” выступал за объективное и доброжелательное отношение к западным историкам, а в 1988 - издавал брошюру в издательстве “Знание”, в которой разносил их в худших традициях 1960 - 1970-х годов⁷.

⁵ См., например, Щербань Н.В. Об эволюции буржуазных оценок нэпа // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974.

⁶ Коэн, Стивен. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М., 1988; Рабинович, Александр. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; Карр, Эдвард. История Советской России. Книга I. Большевицкая революция (1917 - 1923). Т. 1-2. М., 1990; Он же. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917 - 1929. М., 1990.

⁷ Сахаров А.Н. История СССР под пером советологов. М., 1988.

Впрочем, ситуация на рубеже 1980 - 1990-х годов менялась довольно быстро. На советского человека обрушился поток новой исторической информации, в которой трудно было ориентироваться, иногда она повергала в шок. Отечественная историография находилась в состоянии прострации, “доперестроечные” советские учебники устарели, а новые не издавались, практически не появлялось оригинальных отечественных исследований, а страницы исторических журналов заполнялись материалами “круглых столов”, историческими очерками, объемистыми мемуарами и т.д. Это был звездный час советологов. Они получили свободный доступ в российские архивы, на телевидение; по учебникам, написанным зарубежными авторами, учились российские студенты. Любые советологические концепции, даже давно устаревшие, воспринимались в России как откровение, истина в последней инстанции. Советологов даже спрашивали, как “обустроить Россию”, и они охотно давали советы. Интересно, что западные концепции утверждались в России в обратном порядке, от самых новых к более ранним: вначале ревизионистская с альтернативным подходом, затем теория модернизации и, наконец, на волне крайнего антикоммунизма, тоталитарная модель.

Российская историография начала “выздоровливать” и освобождаться из-под влияния советологии в середине 1990-х годов, когда сама советология находилась в состоянии тяжелого кризиса. Во второй половине 1990-х годов не только появляется множество оригинальных российских конкретно-исторических исследований, но и исследований в области методологии истории. В это же время выходит ряд работ о советологии, иногда резко критических и очень несправедливых⁸. Вероятно, в этом проявился своеобразный комплекс неполноценности некоторых российских историков, реакция на засилье советологов в отечественной историографии 10 лет назад.

В настоящее время отношения между российскими и зарубежными историками нормализовались, устанавливаются нормальные творческие контакты, идет активный обмен идеями и опытом, и этот факт еще раз свидетельствует о том, что время национальной обособленности, соперничества на политической или идеологической почве давно прошло.

⁸ Лукин А.В. Англоязычная советология и общественные науки в России // США: Экономика, политика, идеология. 1995. № 9; Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (критика “ревизионистского” подхода) // Отечественная история. 1998. № 5.

Лекция I.

Развитие славяноведения в США и Великобритании между двумя мировыми войнами

Западная историография истории советского общества развивалась крайне неравномерно. Условно можно выделить несколько этапов ее развития, точные границы которых, впрочем, указать невозможно: 1) 1920-е - начало 1940-х годов; 2) примерно с 1943 - 1944 до середины 1960-х годов; 3) с середины 1960-х до середины 1980-х годов; 4) середина 1980-х - конец 1990-х годов. Разумеется, в рамках этих этапов можно выделить другие, более узкие (например, разделить последнее десятилетие на два периода: "до" и "после" распада СССР), однако это значительно усложнит анализ советологии как целостного, хотя и внутренне неоднородного явления.

Уже несколько десятков лет среди историков и политологов ведутся дискуссии о влиянии Октябрьской революции 1917 года на западные страны, и дискуссия эта далека от завершения. Однако совершенно определенно можно выделить по крайней мере два аспекта такого влияния: 1) **широкое развитие социальных программ в странах Западной Европы и США**, стремление правящих кругов этих стран повысить жизненный уровень населения; 2) возникновение интереса к России, как исторического, так и обывательского, **повышение спроса на информацию о России**, что привело впоследствии к оформлению самостоятельной сферы научных исследований - "советологии".

Однако в 1920 - 1930-е годы, когда советология как наука еще не сложилась, интерес западной общественности к России удовлетворялся в основном русскими эмигрантами, вольно или невольно покинувшими страну в годы революции и гражданской войны, а также попавшими разными путями на Запад позднее, в частности в результате высылки советскими властями большой группы представителей "буржуазной" интеллигенции в 1922 году. Среди западных авторов, писавших в то время о России, преобладали журналисты и специалисты технического профиля, работавшие некоторое время в Советской России, писатели и общественные деятели, занимавшие "левые" позиции политического спектра, члены профсоюзных делегаций, посещавшие Россию с дружественными визитами, а также "разочаровавшиеся в Рос-

сии", по выражению Эммы Голдман, деятели международного социалистического и рабочего движения. Спектр мнений был очень широк: от полного неприятия происходящих в России событий до попыток трезвой и непредвзятой оценки ситуации, стремления выявить как негативные, так и положительные стороны ее послереволюционного развития.

Профессиональная историография истории России в то время вообще была развита на Западе очень слабо, особенно в США; изучением же истории Советской России историки практически не занимались. Поскольку россиеведение в ту пору как в США, так и в странах Западной Европы было делом немногих энтузиастов, свою главную задачу они видели в популяризации русской истории и культуры, привлечении внимания широкой аудитории к этим вопросам. Для этого необходимо было издание газет и журналов о России, причем не строго научного, а популярного характера. Такие попытки неоднократно предпринимались, начиная с конца XIX века, в Германии (журнал "Russische Revue"), Франции ("Monde Slave"), Великобритании. Здесь по инициативе профессора истории Лондонского университета сэра Бернарда Пэйрса (Bernard Pares) начиная с 1912 года некоторое время выходил журнал "Russian Review"⁹.

Наследником британской версии "Russian Review" в начале 1920-х годов стал британский журнал "The Slavonic Review", со временем, после неоднократной смены названия и страны издания, превратившийся в "Slavic Review", но это был преимущественно литературоведческий журнал и собственно исторических материалов в нем появлялось крайне мало. Издавался этот журнал при участии таких знаменитостей, как профессор Лондонского университета Бернард Пэйрс, князь Д. Святополк-Мирский, бывший член Государственной Думы барон А.Ф. Мейендорф, Лесли Уркварт и др. По сути журнал был международным, имел не только британского, но и американского редактора, в нем публиковались статьи представителей различных европейских стран, а также США. В подзаголовке журнала было сказано, что он посвящен обзору "истории, экономики, филологии и литературы" славянских народов, но при этом истории России уделялось очень мало места. Это не было, конечно, результатом "злого умысла" со стороны редакции, ведь многие ее члены были настоящими энтузиастами изучения русской истории.

⁹ Laqueur W. The Fate of the Revolution. Interpretations of Soviet History. N.Y., 1967. P. 21-22.

Причин здесь было несколько: во-первых, очень сильно ощущался недостаток оригинальных статей и объем журнала заполнялся часто совершенно случайными материалами, что придавало ему весьма эклектичный характер; во-вторых, мешало отсутствие традиции изучения русской истории, специалистов, хорошо знающих русский язык; в-третьих, сказывалась труднодоступность документов и материалов по истории и экономике России, вследствие чего авторы из среды русских эмигрантов, преобладавшие численно, публиковали статьи по тем проблемам, в которых они хорошо ориентировались, занимаясь их исследованием еще с дореволюционных времен. Безусловно, все это не способствовало получению читателями свежей и достоверной информации о том, что происходит в России. С течением времени американские авторы и издатели заняли в журнале преобладающие позиции, и с 1943 года журнал стал издаваться в США, сменив двумя годами позднее заглавие на "American Slavonic and East European Review", а затем (в 1960 г.) на "Slavic Review". После войны в Англии было возобновлено издание журнала под названием "Slavonic and East European Review".

Для координации усилий историков, социологов, экономистов, филологов и специалистов другого профиля, занимавшихся изучением России, **создавались специальные научные центры при крупных университетах**, где концентрировались документы и материалы по русской истории, а также текущей политике и экономике, проводились научные конференции, издавались журналы, публиковались монографии, сборники статей и учебники. Одним из первых таких центров стал *Гуверовский институт войны, революции и мира*, основанный в 1919 году при Стэнфордском университете его выпускником, членом Совета попечителей университета, а впоследствии президентом США Гербертом Гувером. При институте была создана библиотека с обширными коллекциями документов и материалов по текущей политике и современной истории Восточной и Западной Европы, включая, разумеется, Россию. Коллекция Гуверовской библиотеки быстро росла, приобретение материалов приняло систематический характер, постепенно заполнялись хронологические пробелы, в 1940 - 1950-е годы в нее были включены материалы по Южной и Юго-Восточной Азии, и в меньшей степени по Ближнему Востоку¹⁰. Поскольку основной целью Гуверовского института было изучение проблем, связанных с первой мировой войной и

¹⁰ Sworakowski W.S. The Hoover Library collection on Russia. Collection Survey, № I. Stanford, 1956. Foreword. P.I.

послевоенным урегулированием, а также революциями начала XX века, большое внимание уделялось расширению русской коллекции. В этом отношении возникала масса проблем, так как пополнение коллекции зависело в значительной мере от позиции Советского правительства в отношении Америки. Если в 1920-е годы вывозить материалы с разного рода информацией из СССР было сравнительно легко, то в 1930-е это стало практически невозможным.

Основы русской коллекции были заложены профессором Стэнфордского университета Фрэнком Голдером, который привез значительное количество материалов, связанных с Россией, из поездки по странам Прибалтики вскоре после окончания войны¹¹. В начале 1920-х годов Русская коллекция существенно пополнилась за счет документов и материалов, собранных членами Русского отдела Американской благотворительной администрации (American Relief Administration), президентом которой был Г. Гувер¹². Впоследствии коллекция расширялась с помощью русских эмигрантов, американских специалистов, работавших какое-то время в Советской России, путем официальных контактов с "компетентными" Советскими органами. Будучи членом Совета попечителей университета, Гувер обеспечивал деятельность библиотеки по приобретению документов денежными средствами. Только после второй мировой войны, с конца 1940-х годов, появилась возможность получать советские журналы и газеты по подписке. Значительно проще обстояло дело с приобретением эмигрантских изданий, а также документов и материалов, связанных с русской эмиграцией, хотя и здесь требовались немалые денежные средства на приобретение частных коллекций. В результате этой многолетней целенаправленной деятельности Русская коллекция печатных материалов и рукописей Гуверовской библиотеки стала в послевоенные годы одной из лучших в США.

В период между первой и второй мировыми войнами исследования по истории и культуре России и других стран славянского мира развивались и в других американских университетах, причем не обязательно в самых крупных и престижных. Развитие славяноведения зависело от профессорско-энтузиастов не в меньшей, а возможно, и в большей степени, чем от финансовых возможностей университета. С одной стороны, крупные университеты имели возможность привлекать к этой деятельности лучшие кадры; с

¹¹ Ibid. P. III.

¹² Ibidem.

другой - провинциальные университеты охотнее брали на работу русских профессоров-эмигрантов, которые часто стояли у истоков славяноведения и руссиеведения в американских университетах. Показателем возрастающего интереса к истории и культуре славянских народов может служить наличие в учебной программе общих и специальных лекционных курсов по истории России и славянского мира в целом. Так, курсы по истории и культуре России читались в середине 1920-х годов в следующих американских университетах: Бостонский (проф. Ф. Новак), университет Брауна (Провиденс, штат Род-Айленд; проф. Т. Кольер), Калифорнийский (Беркли; проф. Дж. Нойс и А. Каун), Чикагский (проф. С. Харпер), Колорадский (Боулдер; проф. Дж. Уиллард), Колумбийский (проф. Г.Т. Робинсон), Гарвардский (проф. А.К. Кулидж, Л. Винер, Р. Лорд), Стэнфордский (проф. Ф. Голдер), университет штата Миссури (Коламбия; проф. Р.Дж. Кернер), Висконсинский (проф. М. Ростовцев) и др. Почти все упомянутые курсы посвящены были современной русской истории (XVIII - начало XX века) или истории русской колонизации Сибири, Дальнего Востока и Аляски (Университет штата Вашингтон, Сизтл; университет Южной Калифорнии, Лос-Анжелес). В некоторых университетах не было постоянных профессоров, читавших данные курсы, вследствие чего в отдельные годы курсы не читались вообще (Гарвард, 1923 - 1924; Дартмутский колледж, шт. Нью-Гэмпшир, 1924 - 1925)¹³. В Великобритании в эти же годы курсы по истории и культуре России читались в Оксфордском (проф. Н. Форбс), Кембриджском (проф. А.П. Гауди), Лондонском (проф. Б. Пэйрс), Ливерпульском (проф. А.Б. Босуэлл), Манчестерском (проф. М.В. Трофимов) университетах. В некоторых из них были созданы *специальные центры славянских исследований*: Школа славяноведения при Лондонском университете, Школа руссиеведения при Ливерпульском¹⁴.

Традиции американского славяноведения уходят своими корнями в историю *Гарвардского университета*, одного из самых старых и престижных высших учебных заведений в США. Несмотря на то, что Русский исследовательский центр был создан в Гарвардском университете уже после второй мировой войны, в 1948 году, впервые в США изучение русской истории началось именно в этом университете. Инициатором этой деятельности был профессор истории Арчибальд Кулидж, который не только, начиная с

¹³ The Slavonic Review. 1924. Vol. III. № 8. P. VII-XI.

¹⁴ Ibid. P. I-V.

1894 года, регулярно читал курс русской истории, но и всячески содействовал расширению библиотеки университета за счет многочисленных книг и материалов по истории и культуре славянского мира. По рекомендации Кулиджа в 1896 году в университет был принят на работу эмигрант из России, поляк Лео Винер, филолог-полиглот, хорошо знавший 30 языков. Вклад Винера в развитие славянских исследований в Гарварде трудно переоценить. Он не только преподавал русский, старославянский, польский и чешский языки, русскую и польскую литературу, но и составил двухтомную "Антологию русской литературы" в собственном переводе, а также в течение двух лет перевел на английский язык собрание сочинений Л. Толстого в 24 томах!

С 1927 по 1957 год русскую историю в Гарварде преподавал Михаил Карпович, который не только был блестящим профессором, но и талантливым организатором. "Карпи", как его прозвали студенты, стоял у истоков Русского исследовательского центра Гарвардского университета, с 1949 по 1954 год занимал должность декана факультета славянских языков и литературы. Карпович широко известен также как редактор журналов "Russian review" и "Новый журнал". Среди других колоритных фигур из гарвардской профессуры, связанных со славяноведением, можно назвать итальянского эмигранта Ренато Поджолли, читавшего в Гарварде пользовавшийся популярностью специальный курс о творчестве Толстого и Достоевского (этот курс лекций в студенческой среде получил название "Толстоевский"); Дмитрия Чижевского, который, несмотря на то, что он совершенно не говорил по-английски, продержался в Гарварде в качестве профессора русской литературы с 1949 по 1956 год (Чижевский, будучи блестящим филологом, автором одного из лучших учебников по русской литературе, славился также своими странностями, - например, твердо верил в дьявола и, по свидетельству коллег, однажды узнал его в бостонском водителе такси); выдающегося специалиста по славянской филологии и лингвистике Романа Якобсона, работавшего до этого в Колумбийском университете. Якобсон был известен острым чувством юмора и независимым поведением: так, он возражал против принятия на факультет в качестве профессора русской литературы Владимира Набокова под тем предлогом, что тот не был ученым. В ответ на восклицание: "Но ведь Набоков - крупнейший из ныне живущих русских писателей!", - Якобсон заметил: "Слон - тоже крупнейшее из животных, обитающих в джунглях, но это не значит, что он может быть про-

фессором зоологии"¹⁵. Аргумент подействовал, и вопрос о назначении Набокова профессором был отложен.

Все эти люди, с их странностями и капризами, безусловно, способствовали быстрому развитию факультета славяноведения и пробуждению у американских студентов интереса к России и русской культуре. Это было тем более важно, что формирование факультета и Русского исследовательского центра происходило в разгар "холодной войны" и разгула "маккартизма" в Соединенных Штатах, когда положение профессоров русского происхождения и американцев, с симпатией относившихся к русской культуре, в американских университетах было не просто шатким, но зачастую шла настоящая травля, сопровождавшаяся слежкой и доносами. В качестве примера можно упомянуть о Питириме Сорокине, одном из "отцов" американской социологии, в то время профессоре Гарвардского университета, которого в течение нескольких лет всеми способами буквально "выживали" из университета, что привело к его уходу с поста декана факультета социологии и сокращению читаемых им курсов (как раз в это время Сорокин разрабатывал столь популярную впоследствии теорию "конвергенции", общий смысл которой, естественно, не отвечал тогдашнему политическому курсу американского правительства). И тем не менее, несмотря на подобные условия, факультет славяноведения в Гарварде рос очень быстро: если до 1949 года на факультете было защищено всего 3 докторских диссертации, то в период с 1949 по 1955 их число возросло до 22, а до 1960 года было защищено еще 14 диссертаций¹⁶. К тому же усилиями Арчибалда Кулиджа и его преемников в библиотеке Гарвардского университета была собрана ценная коллекция славянских книг.

Нельзя не упомянуть и еще об одном американском университете с давними традициями славяноведения - *Калифорнийском университете в Беркли*. Преподавание русского языка, литературы и истории началось здесь с 1901 года. Как и везде, в Калифорнийском университете было много проблем с чтением курсов по русской и славянской истории, до 1928 года не было постоянных преподавателей, тем не менее данные курсы возобновлялись каждый год. В 1928 году на исторический факультет был принят в качестве профессора Роберт Дж. Кернер, и с его приходом преподавание

¹⁵ Flier M. S. 100 Years of Slavic Languages and Literatures at Harvard // 100 Years of Slavic Languages and Literatures at Harvard. 1896 - 1996. Cambridge, 1996

¹⁶ Flier M.S. Op. cit.

русской истории в университете поднялось на качественно новую ступень. Постепенно под его руководством сложилась так называемая "историческая школа Беркли", которая занималась в основном изучением процесса русской колонизации Сибири, Дальнего Востока и Аляски, а также взаимоотношений России с Китаем и Японией¹⁷.

Диапазон исследований по истории России постепенно расширялся, чему способствовала первоклассная библиотека, уступавшая в то время в США, по мнению Николая Рязановского, только библиотеке Гарвардского университета. Безусловно, большое значение для развития славянской коллекции библиотеки Калифорнийского (Беркли) университета имело приобретение ряда частных библиотек, в частности принадлежавших Милюкову (1929 год), Масарику и Бенешу (1938 год)¹⁸. С 1930 по 1996 в университете было защищено 89 докторских диссертаций по истории России и Восточной Европы. Среди диссертантов были такие известные в будущем специалисты по русской (в том числе советской) истории, как Анатолий Мазур(1934), Патриция Гримстед(1964), Теренс Эммонс(1966), Джереми Шнейдерман (1966), Линн Мэлли(1985), Стивен Коткин(1988)¹⁹. На волне послевоенного всплеска американского славяноведения в Калифорнийском университете (Беркли) создается, как и в Гарвардском, и Колумбийском университетах, Институт славяноведения (1948), преобразованный в 1957 году в *Центр славянских и восточноевропейских исследований*, а с 1960 года начинает выходить журнал "California Slavic Studies". В разное время в университете работали такие видные специалисты в области славяноведения и советологии, как экономист Грегори Гроссман, польский поэт, лауреат Нобелевской премии в области литературы Чеслав Милош, историки Мартин Малия, Николай Рязановский, Гэйл Лapidус, известный историк русской литературы Глеб Струве, политолог Джордж Бреслауэр и другие.

Несмотря на то, что, как уже отмечалось выше, американское и английское славяноведение были тесно связаны между собой, между ними существовало определенное соперничество. Не только подходы историков и филологов к изучению истории и культуры России и других славянских стран существенно отличались, но и сами цели этого исследования были

¹⁷ Riasanovsky N. University of California, Berkeley. A paper presented at the AAASS convention, Boston, Nov. 1996. P. 2

¹⁸ Ibid. P.4.

¹⁹ Ibid. Appendix B.

различны, что и определило впоследствии приоритет, по крайней мере количественный, американской советологии над английской. И там, и здесь славяноведение было первоначально удовлетворением чисто академического интереса горстки энтузиастов, считавших данное направление исследований важным и перспективным. Однако, если британские ученые видели свою основную цель в укреплении "добрососедских отношений между англоязычным и славянским мирами", то их американские коллеги теснее увязывали собственные академические интересы с геополитическими интересами США. В одной из ранних статей о ситуации в американском славяноведении один из выдающихся его пионеров - Роберт Кернер писал: "Географическое положение Америки...делает неизбежной нашу заинтересованность, как со стороны правительства, так и народа, в изучении этого [славянского. - *А.Н.*] региона. Американские интересы на Аляске, в Китае и Тихом океане не позволяют нам проявлять безразличие к жизненно важным проблемам Восточной и славянской Европы"²⁰. Соперничество США и Японии на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии предопределяло заинтересованность США в сохранении территориальной целостности бывшей Российской империи, что, безусловно, повлияло не только на определение приоритетов в исследованиях американских историков по истории России, но и на конечные результаты этих исследований.

Американское руссиеведение приняло сразу более прикладной характер, становилось все более политизированным, многие крупные историки совмещали академическую деятельность в университетах с выполнением правительственных заказов в обмен на государственное финансирование исследовательских проектов. Поскольку прогресс славянских исследований был невозможен без подготовки необходимого числа специалистов со знанием славянских языков, в первую очередь русского, много усилий и денег было вложено в развитие системы обучения русскому языку в американских университетах. Из всего комплекса славяноведческих дисциплин приоритетное положение заняла история с сильным влиянием со стороны политологии. **Британское же славяноведение** долгое время развивалось в русле "чистой науки", с большим креном в сторону филологии и лингвистики. Кроме того, изучение истории и культуры славянского мира по-прежнему занимало в Великобритании маргинальное положение по отношению к истории Западной Европы, было сосредоточено в немногих наиболее крупных

²⁰ Kerner R.J. Slavonic Studies in America // The Slavonic Review. 1924. Vol. III. № 8. P. 243.

университетах и не имело такой правительственной поддержки, в том числе и финансовой, как в США. Специальные учебные и научные центры в британских университетах, ставившие своей целью изучение современной истории, политики и экономики СССР, даже в послевоенный период можно было пересчитать по пальцам. Так, исследования в области новейшей истории Восточной Европы велись с успехом в *Колледже Св. Антония Оксфордского университета*, с начала 1950-х годов началось изучение советской экономики и политики в *Лондонской школе экономики и политологии*, с 1940-х годов были развернуты исследования в области советской экономики в *Бирмингемском университете* и *университете Глазго*²¹. В большинстве же остальных британских университетов, имевших факультеты или отделения славяноведения, упор делался на славянскую, преимущественно русскую, лингвистику и литературу XIX века. "Отставание" британских университетов от американских в области комплексных исследований истории, культуры, экономики, социологии и психологии советского общества особенно наглядно проявилось после второй мировой войны, когда стала очевидной необходимость изучения СССР не только с чисто академической, но и политической и военно-стратегической точки зрения. Имея в своем составе ряд блестящих специалистов по истории России и СССР, британские университеты отнюдь не могли похвастаться таким размахом, буквально "поточным" методом подготовки специалистов по изучению СССР со знанием русского языка, как американские. Кроме политических и других объективных факторов (недостаточное, по сравнению с США, финансирование, значительно меньший объем доступной информации об СССР, документов, материалов и т.д.), очень важно назвать по крайней мере один субъективный, а именно то, что многие талантливые британские ученые панически боялись неизбежной вовлеченности в политику в случае специализации в области советской истории и экономики и "старались укрыться от реалий современного мира в филологическом трансе"²², занимаясь такими проблемами, как "Тропические размеры в ранней русской силлаботонической поэзии" или "Антиох Кантемир и его немецкие переводчики". Обеспокоенный таким положением дел, Виктор Франк, автор аналитиче-

²¹ Frank V.S. *Soviet Studies in Western Europe (Britain)* // *The State of Soviet Studies*. W. Laqueur and L. Labedz, eds. Cambridge (MA), 1965. P. 53.

²² *Ibid.* P. 55.

ской статьи о британской советологии, перефразируя знаменитую фразу Маркса, замечает: "Филология - опиум ученых"²³.

Возвращаясь к американской историографии советского общества 1920-х - 1930-х годов, следует в первую очередь отметить крайнюю поляризацию мнений о советской действительности среди историков, а также в американском общественном мнении²⁴. Несмотря на то, что общий тон оценок советской политики на Западе в начале 1920-х годов был негативным, можно заметить некоторое замешательство среди авторов, связанное, во-первых, с фактом относительной прочности Советской власти, что заставило искать причины этой прочности; во-вторых, с некоторой демократизацией режима в годы НЭПа, что было для большинства обозревателей явной неожиданностью; в-третьих, с недостатком достоверной информации о событиях в СССР, который с течением времени становился все ощутимее. Поток эмигрантов постепенно иссяк, количество иностранных специалистов, работавших в СССР, также резко сократилось, и в 1930-е годы основным источником информации для иностранных обозревателей о жизни в России стала советская пресса и другие официальные материалы. В результате отношение американцев к России в 1920 - 1930-е годы эволюционировало от преимущественно негативного к преимущественно позитивному, а иногда даже апологетическому. Среди политических факторов, способствовавших такой эволюции, можно назвать "великую депрессию" в США с ее тяготами для миллионов американцев, на фоне которой успехи советской экономики казались феноменальными, установление дипломатических отношений между США и СССР в 1933 году (само по себе ставшее возможным благодаря изменившимся представлениям американцев о Советском Союзе), принятие в СССР Конституции 1936 года, отменившей формальное ограничение прав некоторых категорий советских граждан, антифашистские декларации Советского правительства, а впоследствии союзнические отношения между СССР и США во второй мировой войне. Были и некоторые обстоятельства, настораживавшие американскую общественность: антирелигиозные кампании в СССР, политические процессы 1930-х годов, а также советско-финляндская война 1940 года. В связи с этим эволюция американских пред-

²³ Ibidem.

²⁴ Здесь мы имеем в виду не только профессиональных историков, но также журналистов, экономистов, социологов и прочих авторов, анализировавших НЭП с научно-исторической точки зрения.

ставлений об СССР была сложным, нелинейным процессом. При этом отношение к СССР различных слоев американского общества было различным, временами совпадая, а временами резко отличаясь от точки зрения американского правительства.

В 1920 - 1930-е годы попытки дать историческую оценку политических и экономических процессов и событий, происходивших в СССР, предпринимались на Западе в основном историками, социологами, экономистами из среды русской эмиграции²⁵. Они же в значительной степени заложили основы комплексного изучения советского общества, то есть будущей советологии (Михаил Флоринский, Михаил Карпович, Александр Гершенкрон, Наум Ясный и другие). Из собственно англо-американских авторов следует в первую очередь назвать английского экономиста левой ориентации Мориса Добба, журналистов Луиса Фишера и Уильяма Чемберлина²⁶. Книга Чемберлина "Русская революция", обширное двухтомное исследование, считается классическим исследованием русской революции и высоко оценивается представителями различных, зачастую противоборствующих, направлений советологии. Показателем объективности автора и ценности данной книги как исторического исследования является тот факт, что эта работа, как правило, положительно оценивалась не только западными рецензентами, но и советскими "специалистами" по критике буржуазной историографии, несмотря на крайне антикоммунистические взгляды автора. Эта книга фактически была первым основательным научным исследованием причин, сущности и последствий Октябрьской революции. Она отличалась от других работ широчайшим использованием, насколько это было возможно, разнообразных источников, включая архивные материалы. Автор хорошо знал Россию, пробыв там тринадцать лет (1922 - 1934) в качестве корреспондента газеты "Christian Science Monitor". Это обстоятельство, в сочетании с широким использованием документов, давало Чемберлину значительное преимущество по сравнению с авторами, никогда не бывавшими в России или пробывшими там пару месяцев. Будучи талантливым журналистом, он смог

²⁵ Миллюков П. Россия на переломе. Париж, 1927; Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923; Ростовский Ю. Кризис НЭПа и современное положение в России. Новый Сад, 1923; Сорокин П. Современное состояние России. Прага, 1923.

²⁶ Dobb, Maurice. Russian Economic Development since the Revolution. London, 1929; Dobb, M. Soviet Economic Development since 1917. London, 1966; Chamberlin, William Henry. The Russian Revolution. 2 vols. New York, 1935; Fisher, Louis. The Soviets in World Affairs: A History of Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917 - 1929. Princeton, 1951.

написать книгу, которая, нисколько не теряя в "научности", отличалась в то же время живым образным языком, что непременно сделало бы ее бестселлером, будь она написана лет на двадцать-тридцать позднее, в период максимально высокого массового интереса к Советскому Союзу.

Однако научная объективность автора ни в коей мере не означала, что он безразлично относился к советской политике или был ее сторонником. Чемберлин всегда занимал последовательно либеральную позицию, что принципиально несовместимо с сочувственным отношением к любому диктаторскому режиму, будь то немецкий фашизм или советский сталинизм. Это очень неудобная и крайне уязвимая позиция, зачастую ошибочно трактовавшаяся левыми как профашистская, особенно в предвоенные и военные годы. Сам Чемберлин так оценивал свой "советский" опыт: "Я приехал в Советский Союз, будучи настроенным благожелательно, но с течением времени моя позиция изменилась радикальным образом, по крайней мере в отношении господствующего режима"²⁷.

Антикоммунизм Чемберлина проявился вполне наглядно в некоторых других его книгах, не являвшихся строго научными исследованиями²⁸, а также в газетных и журнальных статьях. В американских общественных и научных кругах, где левые настроения ощущались довольно сильно, уже в 1930-е годы, а тем более в 1940 - 1950-е, Чемберлин обладал имиджем завзятого антикоммуниста. Так, в начале 1940-х годов известный специалист в области советской литературы и театра, профессор Генри Уодсворт Лонгфеллоу Дана, симпатизировавший Советскому Союзу, будучи приглашенным сотрудничать в новом журнале "Russian Review", в письме к главному редактору журнала Д.С. Мореншильду в свойственной ему деликатной манере выражал обеспокоенность по поводу того, что одним из редакторов журнала является У. Чемберлин, "известный своей антисоветской позицией", которая якобы "может сыграть на руку нацистам"²⁹. Однако честность и объективность У. Чемберлина, присущая ему не только как историку, но и редактору журнала, сделала свое дело, и несколько месяцев спустя в другом

²⁷ Цит. по: Garlin, S. Full Face: William Henry Chamberlin // Soviet Russia Today. August 1944. P. 23.

²⁸ Chamberlin W.H. Russia's Iron Age. N.Y., 1934; Idem. Soviet Russia. N.Y., 1935.

²⁹ Hoover Institution Archives. Russian Review Collection. Box 1. H.W.L. Dana to D.S. von Mohrenschildt. September 10, 1941.

письме Г. Дана уже высказывается о Чемберлине с симпатией, называя его по-дружески Биллом³⁰.

В своей книге "Русская революция" Чемберлин поставил практически все основные проблемы, связанные с русской революцией, которыми впоследствии историки занимались специально: экономическая и политическая ситуация в России в предреволюционные годы, политические партии и их деятельность, активность масс и факторы, влияющие на эту активность, взаимосвязь Февральской и Октябрьской революций 1917 года, характер Октябрьской революции и ее последствия, причины гражданской войны и победы большевиков, "военный коммунизм", НЭП и логика его развития. Не увлекаясь изобретением сомнительных с научной точки зрения концепций, чем, к сожалению, часто грешат работы профессиональных историков, Чемберлин воспринимал революцию и Советскую власть как объективную реальность, как результат очень сложного и длительного процесса развития политических, экономических и социальных противоречий, а не элементарного путча горстки фанатиков, сумевших одурачить и прибрать к рукам целую страну. В конце книги, оценивая последствия и значение русской революции, автор отмечает: "Любая революция неизбежно сочетает в себе триумф и трагедию, ибо она уничтожает, смещает, вырывает с корнем отдельные личности и целые классы, одновременно выталкивая наверх тех, кто прежде был угнетен. Русская революция - величайшее событие своего рода в мировой истории, независимо от того, измеряется ли ее значение той нищетой и лишениями, в которые она повергла одну часть населения, новыми возможностями, которые она создала для другой, либо коренной реорганизацией общества, которой эта революция сопровождалась"³¹. О серьезном подходе автора к предмету исследования говорит и само название книги, а также ее хронологические рамки. Фактически Чемберлин предвосхитил основные подходы "ревизионистской" историографии, о которой речь пойдет позднее, за тридцать лет до ее возникновения. Не случайно ярчайший представитель этого направления в советологии Стивен Коэн отмечает, что книга Чемберлина не только была одним из немногих исследований "ранних советологов", выдержавших испытание временем, но и "оказала

³⁰ Ibid. H.W.L. Dana to D.S.von Mohrenshildt, October 8, 1941.

³¹ Chamberlin W.H. The Russian Revolution. Vol. 2. P. 462-463.

значительное влияние на ревизионистскую школу 1960 - 1970-х годов"³². "Русская революция", "Советская Россия", "Железный век России" и другие книги, впрочем, как и многочисленные журнальные и газетные статьи, сделали имя Чемберлина весьма популярным в кругу людей, интересовавшихся тем, что происходит в СССР, а таковых становилось все больше, хотя до "советологического бума" 1950 - 1960-х было еще далеко.

Разумеется, нельзя совершенно точно определить степень массового интереса и информированности рядовых американцев о России в то или иное время, тем более, что интерес академический не всегда совпадает по времени с массовым. Степень академического интереса к Советскому Союзу в США определялась скорее государственной необходимостью, стратегическими и дипломатическими соображениями, нежели настроением масс. Однако можно предположить, что накануне и в начале второй мировой войны американское общество, с одной стороны, было вполне готово к тому, чтобы получать достоверную и разнообразную информацию не только о жизни в Советском Союзе и текущей советской политике, но и о русской истории, экономике и культуре, с другой стороны, в США практически не было еще источников такой информации. С середины 1930-х годов не только был крайне ограничен въезд в СССР иностранных граждан, но и практически закрыт доступ к любой неофициальной информации в пределах СССР. Таким образом, единственным постоянным источником сведений о Советском Союзе для иностранцев, в том числе и журналистов, была официальная советская пресса, официальная статистика, американские журналы типа "Soviet Russia Today", которые сами получали информацию из тех же советских источников, а также рассказы зарубежных писателей, кинематографистов, профсоюзных деятелей и других немногочисленных визитеров, которых тщательно опекали представители "компетентных органов" и которые видели только то, что им положено было видеть.

Следует также учитывать, что средний американец настолько же свято верит газетам, насколько средний россиянин им не верит (у американцев просто в силу совершенно иного, чем в России, исторического опыта не могла сформироваться устойчивая привычка читать между строк), и поэтому, если есть выбор, американец скорее предпочтет официальную информацию неофициальной.

³² Cohen, Stephen F. Rethinking the Soviet Experience. Politics & History since 1917. N.Y., 1985. P. 159

В результате Советский Союз в конце 1930-х годов представлял для иностранцев, по образному выражению У. Черчилля, относящемуся к 1939 году, "замысловатую головоломку, окутанную тайной"³³. С другой стороны, следствием такого промывания "капиталистических" мозгов стала в той или иной степени просоветская позиция значительной части американской интеллигенции (Т. Драйзер, Дж. Дос Пассос, влиятельный литературный критик Эдмунд Уилсон, известный историк Сэмюэл Харпер, бывший посол в СССР Дж. Дэвис и другие). Горячими защитниками этой позиции стали супруги Сидней и Беатриса Уэбб со своей знаменитой книгой "Советский коммунизм: новая цивилизация?" (1935), вскоре изданной и в Советском Союзе. В ней было много рассуждений о свободных выборах в СССР, о том, что у Сталина власти меньше, чем у Рузвельта, о свободе критики и о том, что "СССР - самая демократическая страна в мире"³⁴. Сейчас историки по-разному оценивают подобные высказывания, но в любом случае довольно резко: кто считает это старческим маразмом Уэббов, кто просто глупостью, кто идеализмом. У. Лакер, напротив, объясняет эту позицию прагматизмом супругов Уэбб, у которых "не было времени для сентиментального идеализма; они верили в социализм как в наиболее рациональное социальное устройство"³⁵.

Просоветские настроения в США были, правда, несколько поколеблены такими фактами, как советско-германский договор о ненападении 1939 года и советско-финская война, но не исчезли совсем и многократно выросли с началом Великой Отечественной войны. В этой обстановке любая критика в адрес Советского Союза воспринималась как чуть ли не содействие фашистской Германии. В таких условиях почти одновременно в США началось издание двух журналов, очень разных как по характеру публиковавшихся в них материалов, так и по составу читательской аудитории, но в равной мере интересных и значительных для развития американской советологии: "Russian Review" (ноябрь 1941) и "Новый журнал" (1942). Учитывая, что в 1920 - 1930-е годы в США не только не было еще советологии как научного направления, но и история России не была вычленена из славяноведения как самостоятельная дисциплина, не было ни одного журнала, посвященного

³³ Цит. по: Cohen S.F. Rethinking the Soviet Experience. P. 37.

³⁴ Цит. по: Laqueur W. The Fate of The Revolution. Interpretations of Soviet History. N.Y., 1967. P. 12

³⁵ Ibidem.

истории и культуре России, издание серьезного, по возможности объективного, журнала, предназначенного для американских читателей и целиком посвященного России, было крайне необходимо. Таким журналом стал "Russian Review", основанный по инициативе небольшой группы русских и американских профессоров, преимущественно историков, во главе с Д.С. фон Мореншильдом. Создавался журнал очень сложно: не было денег, правительственной поддержки, сотрудников, подписчиков - ничего, кроме энтузиазма издателей, поддержки самых близких друзей и стремления сблизить не только два народа - русских и американцев, но и сделать русскую культуру и историю более понятной для американского общества, сломать старые стереотипы и не дать утвердиться новым. В рекламных материалах, распространявшихся в процессе подготовки первого номера журнала, подчеркивалось, что "Russian Review" - не очередной партийный журнал русской эмиграции, а американский журнал, посвященный России, причем многие авторы соглашались сотрудничать только при этом условии, боясь, очевидно, сами того не желая, оказаться орудием в борьбе между враждующими эмигрантскими группировками или, не дай бог, в борьбе против России³⁶.

"Russian Review" не был узкоспециальным историческим изданием, напротив, его задачей было "показать широкую панораму русской жизни, истории, политики, экономики и культуры"³⁷. Стараясь всячески подчеркнуть объективный характер журнала, издатели пригласили в редакционный совет людей разных политических взглядов, что зачастую вызывало упреки, а иногда и решительный протест со стороны сотрудников. Одному не нравился, скажем, У. Чемберлин на посту главного редактора, поскольку он явный антикоммунист, другой, наоборот, недоволен был засильем "коммунистов" (к таковым относили, например, Эдмунда Уилсона) в редколлегии журнала. Так, прокоммунистический журнал "Soviet Russia Today" в августе 1944 года опубликовал большую статью об У. Чемберлине, где говорилось: "'Russian Review' - журнал, который Чемберлин издает в сотрудничестве с группой белогвардейцев"³⁸. Под "белогвардейцами" имелись в виду два русских редактора журнала - М. Карпович и Д.С. фон Мореншильд, а также

³⁶ Hoover Institution Archives. Russian Review Collection. Box 1. D. Fedotoff-White to D.S. von Mohrenshildt, S. Yakobson to W.H. Chamberlin, October 30, 1941.

³⁷ Russian Review. 1941. Vol. I. № 1. P. 1.

³⁸ Soviet Russia Today. August 1944. P. 31.

секретарь редакции А. Тарсаидзе, время от времени дававший свои статьи в националистическую (по терминологии военного времени "фашистскую") газету "Россия".

Конечно, на практике очень трудно было сохранять абсолютную объективность журнала и удовлетворить все требования вероятных спонсоров, сотрудников и подписчиков. Стараясь держаться последовательно либеральной линии, редакторы не пропускали на страницы журнала статьи, выражавшие крайние взгляды, будь то уверенность в разгроме Красной Армии немецкими войсками и желательность такого исхода, или безоговорочная поддержка Советского правительства. Эта позиция была отражена и в "Предисловии" к первому номеру "Russian Review", написанному У. Чемберлином. Подчеркнув еще раз, что журнал является независимым, внепартийным демократическим изданием, открытым для выражения различных мнений, кроме открыто профашистских или прокоммунистических, он не удержался от следующего заявления: "Вне сомнения, многие русские в СССР, которые пока не могут говорить открыто, равно как и живущие за границей и имеющие возможность свободно выражать свое мнение, солидарны в надежде, что из "крови, пота и слез" нынешнего тяжелого испытания в результате событий, ход которых трудно пока предсказать с точностью, возникнет свободная Россия как часть свободной Европы"³⁹. В условиях стремительного роста симпатий американцев к СССР во время войны подобные заявления часто расценивались как антисоветские, что, в совокупности с другими причинами (популярный, а не чисто академический характер журнала, большой удельный вес материалов, предоставленных авторами-эмигрантами, что делало журнал якобы "рупором эмиграции"⁴⁰) привело к уходу из редакции ряда способных и энергичных сотрудников, внесших большой вклад в предварительную работу по подготовке журнала к изданию (например, профессор истории Пенсильванского университета Д. Федотов-Уайт, сотрудник Библиотеки Конгресса Сергей Якобсон).

Серьезные трудности возникали и с подбором материалов для журнала. Несмотря на поистине титаническую работу редакторов по выявлению и привлечению к сотрудничеству потенциальных авторов с различными научными и творческими интересами (от В. Набокова-Сирина до

³⁹ Russian Review. 1941. Vol. I. № 1. P. 5.

⁴⁰ Hoover Institution Archive. Russian Review. Box 1. D.Fedotov-White to D.S. von Mohrenshildt, September 30, 1941

И. Стравинского), комплектовать первые номера журнала было чрезвычайно сложно: одни авторы отказывались сотрудничать по политическим мотивам или под предлогом чрезмерной занятости, другие представляли статьи, отклонявшиеся редакцией как слабые, либо слишком специальные, или как политически рискованные. Так, М. Карпович писал Д. Мореншильду в декабре 1942 года по поводу Б. Николаевского: "Он предлагает две темы: политика Сталина по отношению к Америке или русские социалисты в Америке и их роль в американском рабочем движении. Первая, конечно, представляет большой общий интерес, но я боюсь, что она будет слишком политически заостренной и может создать для нас трудности."⁴¹ И в другом письме: "Что касается моей статьи, то, признаться, сейчас мне не очень хотелось бы писать о России и Польше по целому ряду соображений. Я предпочел бы дать статью о церкви и государстве в русской истории, связав это с недавним восстановлением патриаршества в России. А о Польше напишу когда-нибудь позднее."⁴²

Но, пожалуй, самые серьезные проблемы возникали с финансированием. Широко распространенное представление о том, что все советологические издания создавались по инициативе ЦРУ и им же финансировались, глубоко неверно. Это было в большей степени характерно для конца 1940 - 1950-х годов и в отношении таких проправительственных изданий как, "Problems of Communism" (правда, следует заметить, что главный редактор упомянутого журнала усиленно сопротивлялся такой опеке). В довоенный же период, как и во время войны, ни американская контрразведка, ни правительство никакого внимания "русскому" журналу не уделяли. Д.С. фон Мореншильд и Д. Федотов-Уайт, занимавшийся в редакции финансовыми вопросами, обращались и за правительственной поддержкой, и в крупные финансовые корпорации типа Карнеги или Форда, в университеты и колледжи, а также просто к заинтересованным лицам, и почти везде получали отказ. Один из корреспондентов Мореншильда, профессор факультета политологии Колумбийского университета Симкович, прокомментировал ситуацию следующим образом: "Большинство людей, которых я знаю, совершенно не заинтересованы в "Russian Review". К тому же, сейчас каждый может сказать, что то небольшое, что у него было, он уже отдал в фонд

⁴¹ Ibid. M. Karpovich to D. Mohrenshildt, December 1, 1942.

⁴² Ibid. M. Karpovich to D. Mohrenshildt, November 23, 1943.

обороны."⁴³ П.А. Сорокин в письме Мореншильду назвал "новый русский журнал" в условиях военного времени "роскошью"⁴⁴. Принстонский, Пенсильванский, Колумбийский и другие университеты, куда инициаторы журнала обращались с просьбой разрешить печатать журнал в университетской типографии, ответили отказом. Существенную финансовую помощь оказали только Русский студенческий фонд, предоставивший 500 долларов из необходимых для выпуска журнала трех тысяч, Вассар-колледж, отличавшийся весьма серьезным отношением к русской истории и культуре, и бывший посол Временного правительства в США Борис Бахметьев. Конечно, какие-то деньги внесли подписчики, но их было крайне мало (в редакции был заготовлен список всех потенциальных подписчиков, имеющих хоть какое-то отношение к России и заинтересованных в журнале, который насчитывал двести с небольшим человек и включал таких известных в настоящем и будущем советологов, как Дж. Баньян, Дж. Кертис, Дж. Хазард, А. Мазур, О. Рэдки и др.)⁴⁵ Кстати, предыдущие попытки создать в США подобный журнал провалились в значительной степени из-за отсутствия средств.

Оценивая развитие в США и Великобритании как славяноведения в целом, так и россиеведения и советоведения в частности в довоенный и военный период, можно заметить, что эта сфера научных исследований почти целиком оставалась делом энтузиастов, которые в силу разных причин считали изучение истории и культуры славянских стран, и в первую очередь России, совершенно необходимым. Они собирали книги, создавали библиотеки, научные общества, факультеты и отделения славяноведения при университетах и колледжах, устанавливали друг с другом контакты, искали спонсоров, доказывая на каждом шагу, что они занимаются действительно серьезным делом. Ни широкие массы, ни правительства западных стран существенного интереса к России и Восточной Европе не испытывали. Этот интерес, смешанный со страхом, возникнет позднее, в конце войны, когда СССР начнет активно вторгаться в европейскую и мировую политику, и существенно усилится в связи с появлением в советском арсенале ядерного оружия и запуском советского спутника в 1957 году. Тогда казалось, что сбываются невероятные пророчества (представлявшиеся еще более невероятными в связи с потерями и экономическим уроном, понесенным СССР в

⁴³ Ibid. Simkhovich to D.von Mohrenshildt, June 15,1941.

⁴⁴ Ibid. P.Sorokin to D.von Mohrenshildt, February 8,1941.

⁴⁵ Ibidem.

годы войны) тех, кто еще 10 - 15 лет назад предупреждал о грядущей экономической, научно-технической и военной угрозе со стороны СССР⁴⁶.

Лекция II.

Развитие советологии в первые послевоенные десятилетия (середина 1940-х - середина 1960-х гг.)

Только после второй мировой войны советология действительно стала приоритетным направлением как американской исторической науки, так и стратегических исследований. Оставив далеко позади Англию и другие европейские страны, США заняли главные позиции в славяноведении, которое поистине стало не личным, а государственным делом. Координационным центром советологии становится Отдел стратегических служб (ОСС) США, взявший на учет и привлечший к сотрудничеству основную массу лучших специалистов по России и СССР, разбросанных по разным университетам, - историков, социологов, экономистов. Возникают новые советологические центры, такие как *Русский институт при Колумбийском университете* (1946), *Русский Исследовательский центр при Гарвардском университете* (1948), *Мюнхенский Институт по изучению СССР* (1950) и другие.

Большинство этих советологических центров, по крайней мере те, что появились на территории США, были образованы в рамках так называемой "программы региональных исследований". Она начала разрабатываться еще во время войны для подготовки специалистов по различным регионам Европы, Азии и Латинской Америки, знающих местные языки, порядки и обычаи и способных выполнять в этих регионах административные функции

⁴⁶ Окончание войны почти сразу же ознаменовалось началом новой, "холодной войны" между СССР и Западом, преимущественно США. Сигналом к началу "холодной войны" стала знаменитая речь У. Черчилля в Фултоне (штат Миссури) 5 марта 1946 года, где он впервые упомянул о "железном занавесе" между Восточной и Западной Европой. Хотя в целом тон этой речи был не настолько враждебным, как это подавалось советской пропагандой, и она была полна реверансов, правда, несколько язвительных, в сторону бывшего союзника, смысл речи Черчилля сводился к тому, что западные страны должны объединиться против угрозы со стороны Советского Союза на принципах ООН, в противном случае катастрофа неизбежна (см. *The American Image of Russia*. P. 179)

(США буквально готовились управлять всем миром!). Суть этой программы заключалась в создании при крупнейших американских университетах специальных подразделений, которые должны были готовить специалистов по различным регионам мира для американских правительственных организаций как в США, так и за границей, а также координировать научные исследования по тому или иному региону и давать информацию правительству, если потребуется. Таким образом, планируемые институты должны были в основном иметь прикладной, а не академический характер.

Новизна и сложность программы региональных исследований состояла в ее междисциплинарном характере, что требовало координации действий различных факультетов. Создавало это дополнительные трудности и для участвующих в ней аспирантов, которые за два года должны были усвоить несколько различных по характеру специальных курсов (интенсивная языковая подготовка, география региона, история, экономика, политические и социальные институты, психология и антропология) наряду с общими, такими, например, как основы дипломатии. Кроме того, будущий специалист должен был получить обычную подготовку в какой-либо специальности, ибо создатели программы опасались, что в противном случае выпускник окажется дилетантом, знающим обо всем понемногу и не получившим конкретной специальности⁴⁷. Для участников региональных программ предусмотрена была также годичная практика в изучаемом регионе. Разумеется, организовать такую практику в СССР в то время было невозможно, и студенты ограничивались теоретическими занятиями.

Развитие программ региональных исследований шло очень быстрыми темпами. Если в 1946 году было разработано 13 таких программ, то в 1951 году их было уже 23, а в 1954 году - 29, с общим количеством студентов около 700. В обеспечение этих программ было вовлечено около 400 профессоров. В соответствии с государственными интересами США в то время большинство программ было ориентировано на СССР и Дальний Восток (по данным на 1951 год функционировало 5 "русских" программ и 8 - по странам Дальнего Востока, хотя по количеству студентов на первом месте находились программы, связанные с Советским Союзом)⁴⁸. Лидером среди американских университетов по развитию программ региональных исследо-

⁴⁷ Cowan L.G. A History of the School of International Affairs and Associated Area Institutes. Columbia University. N.Y.: Columbia University Press, 1954. P.3.

⁴⁸ Ibid. P. 8.

ваний был Колумбийский университет, где специальный Русский Институт был открыт в сентябре 1946 года. Вскоре подобные программы были разработаны также в Корнелльском, Гарвардском, Мичиганском и других университетах. Как уже отмечалось выше, одной из главных проблем в развитии исследований по России и СССР до и во время второй мировой войны была проблема финансирования. Со второй половины 1940-х годов советология уже не нуждалась в средствах, напротив, университеты и исследовательские институты, ведущие исследования, связанные с СССР и странами советского блока, получали значительное количество грантов от частных корпораций Рокфеллера, Карнеги и Форда, а также из правительственных фондов, таких как фонды ВВС и ЦРУ. За счет этого университеты получили возможность увеличить выпуск специалистов по Советскому Союзу, многие из которых направлялись на правительственную службу. Полученные средства надо было отрабатывать, и советологические исследования концентрировались вокруг актуальных политических проблем. С. Коэн отмечает, что "советологи, работающие в университетах, установили открытые и разумные взаимоотношения с правительственными организациями, но имели место также контакты скрытые и впоследствии доставившие много проблем. В результате, академическая советология стала к началу 1950-х годов крайне политизированной профессией, проникнутой миссионерским духом, сосредоточенной на актуальных политических проблемах и выявлении образа вероятного противника"⁴⁹. Правда, он тут же оговаривается, что "политизация большинства университетских советологов в 1940 - 1950-е годы была вызвана не цинизмом, а их идеализмом и глубокой озабоченностью (коммунистической угрозой. - А.Н.)"⁵⁰.

Ситуация усугубилась в конце 1940-х - начале 1950-х годов в связи с разгулом маккартизма в США. По инициативе сенатора-республиканца Джозефа Маккарти началась всеобъемлющая кампания по выявлению скрытых коммунистов и советских агентов в правительстве, армии, университетах США. В феврале 1950 года Маккарти публично заявил что 57 всем

⁴⁹ Cochen S.F. Rethinking the Soviet Experience. P. 10-11.

⁵⁰ Cohen S.F. Rethinking the Soviet Experience. P. 40. Вопрос о политизации послевоенной американской советологии и ее связях с контрразведкой получил, особенно в последние годы, широкое освещение в литературе. См., например, Lyons G. M. The Uneasy Partnership: Social Science and the Federal Government in the Twentieth Century. N.Y., 1969; Diamond, Sigmund. Compromised Campus. The Collaboration of Universities with the Intelligence Community, 1945 - 1955. N.Y.; Oxford, 1992.

известных коммунистов служат в Госдепартаменте США. Впоследствии в число "советских агентов", "разоблаченных" Маккарти, попал генерал Дж. Маршалл, бывший во время войны начальником штаба армии, а после войны занимавший последовательно должности Государственного секретаря и министра обороны США⁵¹. Естественно, положение многих американских интеллектуалов, с симпатией относившихся к Советскому Союзу, а также советологов, по роду своей деятельности находившихся, по мнению Маккарти, под усиленным воздействием советской пропаганды, было гораздо более уязвимым. Среди американских университетских профессоров, вызывавшихся для дачи показаний в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности в связи с их научными командировками в Советский Союз до войны, либо деятельностью в области ленд-лиза во время войны, были такие видные советологи с довоенным стажем, как Джон Хазард, специалист в области советского права, и Эрнест Симмонс, один из организаторов изучения русской и советской литературы в США. В результате деятельности вышеупомянутой комиссии по меньшей мере 600 профессоров и учителей были уволены с занимаемых должностей и гораздо большее количество было обвинено в нелояльности⁵².

Как раз в это время и возникает знаменитая **теория "советского тоталитаризма"**. Историки-"тоталитаристы" (Адам Улам, Мерл Фэйнсод, Уильям Лакер и др.)⁵³. в методологическом отношении основывали свои труды на работах известных политологов, таких, как Ханна Арендт, Збигнев Бжезинский, Карл Фридрих, Алекс Айнкелес, которые, собственно, и разработали главные принципы этой концепции⁵⁴. Суть ее заключается в утверждении о тоталитарной природе Советского государства, его принципиальной неизменности, абсолютной верховности советской политики. С точки зрения "тоталитарной" концепции, Октябрьская революция 1917 года была переворотом, совершенным кучкой большевиков, не имевших сколько-нибудь прочной опоры в массах и вынужденных поэтому удерживать власть с помощью террора. Впоследствии "враги" появились и в

⁵¹ The American Image of Russia. P. 205.

⁵² Cohen S.F. Rethinking the Soviet experience. P. 18.

⁵³ Fainsod M. How Russia Is Ruled. Cambridge, 1963; Ulam A. The New Face of Soviet Totalitarianism. N.Y., 1964; Laqueur W. The Fate of the Revolution. N.Y., 1967.

⁵⁴ Arendt H. The origins of Totalitarianism. N.Y., 1951; Friedrich C., Brzezinsky Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956; Inkeles A. Social Change in Soviet Russia. N.Y., 1971.

партии, в советском аппарате и даже в карательных органах. Разумеется, крайний детерминизм этой концепции сродни детерминизму марксистско-ленинской теории: победа большевиков, а затем Сталина, была предопределена, никаких альтернатив не было и быть не могло. В советологии имеется даже параллель понятию "развитой социализм" - "развитой тоталитаризм", то есть советский режим после смерти Сталина.

Одним из главных принципов "тоталитарной" теории является принцип преемственности политической власти в СССР. С этой точки зрения ленинский режим нисколько не противостоит сталинскому, а является его прямым предшественником. Классическую формулу такой преемственности сформулировал один из "отцов" "советского тоталитаризма" М. Фэйнсод: "Из тоталитарного эмбриона неминуемо должен был развиваться тоталитаризм полностью сформировавшийся"⁵⁵. Движущей силой процесса развития советского общества была некая "внутренняя логика тоталитаризма" (тот же тезис в советском варианте звучал как "закономерность исторического развития от капитализма к социализму"), которая делала преемственность между ленинизмом и сталинизмом не только вероятной, но и неизбежной. Таким образом, ленинская политика, включая НЭП, являлась не качественно иной по отношению к сталинской, а количественно: наполовину сформировавшийся тоталитаризм⁵⁶. НЭП, по мнению представителей "тоталитарной школы", был продиктован необходимостью для большевиков подстроиться к сложному внутреннему и международному положению в условиях недостаточной прочности власти, являлся простой "уловкой", не менявшей тоталитарного характера режима. Соответственно, послесталинский период советской политической жизни характеризовался как смягченный вариант тоталитаризма, который, приспосабливаясь к меняющимся обстоятельствам и будучи в достаточной степени сложившимся и укрепившимся на советской "почве", мог уже не прибегать постоянно к террору и большим человеческим жертвам.

По мнению С. Коэна, одного из наиболее значительных и интересных представителей противоположной "тоталитарному" направлению "ревизионистской" историографии и последовательного критика "тоталитарного" подхода к советской истории, главным негативным результатом политизации американской историографии в 1950-е годы был консенсус в отношении

⁵⁵ Fainsod M. How Russia Is Ruled. Cambridge, 1963. P. 59.

⁵⁶ Cohen S.F. Rethinking the Soviet Experience. P. 43.

к истории и политике Советского Союза. При всех индивидуальных особенностях историков "тоталитарной" школы (кстати, работы некоторых из них Козн оценивает весьма высоко, если это, конечно, не является простой данью академической этике), все они придерживались главных принципов "тоталитарной" концепции: антинародный, "внешний" по отношению к большинству населения Советского Союза характер коммунистического режима, осуществление государственной политики исключительно "сверху" при полном контроле "властвующей элиты" над массами, преемственность политики советского режима на всем протяжении его существования. Этот консенсус сводил на нет все достигнутые успехи в изучении советского общества и привел к кризису советологии в конце 1960-х годов, ибо все проблемы советской истории казались решенными, все точки над "i" были поставлены и подведены окончательные итоги, поэтому двигаться дальше в рамках данного направления историографии было некуда.

Одним из краеугольных камней "тоталитаристской" концепции советской истории было отождествление сталинизма с фашистскими режимами Германии и Италии. Это было вызвано не только стремлением дискредитировать советскую политическую систему и идеологию в условиях "холодной войны", но и попыткой идентифицировать сталинизм, уникальный исторический феномен, приведя его к общему знаменателю с другими тоталитарными режимами.

Такое сравнение выглядело вполне естественным: сходство между двумя системами бросалось в глаза, а различия казались несущественными. Ещё в 1930-е годы У. Чемберлин и Л. Троцкий, а после войны - Х. Арндт, К. Фридрих и З. Бжезинский, М. Фэйнсод, Б. Вольф и многие другие авторы обращали внимание на такие характерные черты тоталитарных режимов, как террор и пропаганда в государственных масштабах, установление однопартийной системы, единой государственной идеологии, культ лидера и т.д. Число "родовых" признаков тоталитарных режимов в советологической литературе колебалось от 5 до 15, однако можно удлинять этот перечень до бесконечности. Такой подход, тем не менее, почти ничего не давал для исторического исследования сталинизма, к тому же резко контрастируя с комплиментарным отношением значительной части западной общественности к Советскому Союзу и Сталину в годы второй мировой войны. Несмотря на сохранение в Советской политике вышеперечисленных тоталитарных признаков, во время войны даже сама мысль об отождествлении Советского

Союза и фашистской Германии могла бы показаться кощунственной. Напротив, именно в это время П. Сорокин в книге “Россия и Соединённые Штаты” (1944) указывает на существенные сходства между СССР и США как двумя крупными индустриальными державами при весьма несущественных системных различиях между ними, которые вполне можно игнорировать. Позднее эта мысль была им развита в знаменитой теории “конвергенции”, подробно обоснованной в статье 1960 года “Взаимное сближение Соединённых Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу”.

Тем не менее, уже в конце 1940-х-начале 1950-х гг. параллели между сталинизмом и фашизмом вновь активно используются в рамках теории “тоталитарных режимов”. Классическое определение тоталитаризма было дано в книге З. Бжезинского и К. Фридриха “Тоталитарная диктатура и автократия”, впервые опубликованной в 1956 г., а обоснование тоталитарности советского режима с исторической точки зрения - в книге гарвардского профессора М. Фэйнсод “Как управляют Россией” (первое издание - 1953 г.). Фэйнсод, в частности, сравнивая СССР и фашистскую Германию, отмечает, что выборы в Советском Союзе, “как и плебисциты при Наполеоне и Гитлере”, призваны продемонстрировать, что “советский народ и режим составляют единое целое”⁵⁷.

Подобным же образом оценивали природу советского режима А. Улам, Ф. Боркенау, Б. Вольф, Р. Дэниелс и другие советологи “тоталитаристской” школы. В этих условиях скорее исключением из правила были попытки Э. Карра и И. Дойчера дать более объективный анализ советской истории и текущей политики. Так, Дойчер в одной из первых на Западе биографий Сталина, вышедшей первым изданием в 1949 г., еще при жизни советского лидера, не отрицая общих черт сталинизма и фашизма, категорически возражает против их отождествления. По Дойчеру, Сталин ближе в истории к деятелям революционного типа: Кромвелю, Робеспьеру, Наполеону. Если Гитлер был “лидером чистейшей контрреволюции”, превратив процветающую Германию в униженную, разоренную, отброшенную далеко назад страну, где устраивались костры из книг Лессинга и Гейне, а в философии “Альфред Розенберг занял место Канта”, то Сталин был “одновременно и вождем, и эксплуататором трагической, противоречивой, но созидательной

⁵⁷ Fainsod M.. How Russia is Ruled. Cambridge, 1956. P. 382.

революции”⁵⁸. Среди главных заслуг Сталина Дойчер отмечает превращение России за 20 лет из полудикой азиатской страны в передовую индустриальную державу, сохранение и популяризацию классического культурного наследия, развитие системы образования⁵⁹. Несмотря на некоторую идеализацию Сталина, подход Дойчера представляется более продуктивным, нежели односторонние, схематичные и донельзя политизированные оценки политологов и историков - “тоталитаристов”.

После смерти Сталина, когда масштабы репрессий резко сократились, и они уже не являлись одним из основных инструментов советской политики, а в политической и идеологической атмосфере ощущалось дыхание “оттепели”, необходимость пересмотра “тоталитаристской” концепции советского режима стала очевидной. Если в 1950-е речь шла лишь о новом лице советского “тоталитаризма” (А. Улам) или “тоталитаризме без террора”, по выражению политолога А. Кассофа, то в 1960-е годы в рамках общего “тоталитаристского” подхода возникает уже целый ряд альтернативных теорий, таких как теория “развития”, или “модернизации” (Дж. Каутский, С. Блэк), теория “бюрократического” (А. Мейер) или “административного общества” (А. Кассоф, П. Холландер), “кремлюнология” (А. Айнкелес, Г. Скиллинг и др.). “Кремлюнологи”, оставаясь в рамках политической истории, отказались от фундаментального “тоталитаристского” тезиса о монолитности и неизменности советского режима, выделяя в нем “группы интересов”, пытающиеся приспособить государственный и партийный аппарат к меняющимся условиям. Теория “модернизации” вообще ушла от политики, положив в основу изучения советского общества тип и уровень его экономического развития. Разумеется, при этом и речи не могло быть о сравнении СССР с фашистскими режимами. В рамках теории модернизации советское общество сопоставлялось с развивающимися странами Азии и Латинской Америки⁶⁰.

Новое дыхание “тоталитаристская ” концепция обрела в первой половине 1980-х гг., в связи с новым обострением “холодной войны”. Вновь заговорили и о “красном фашизме”, а в Германии появилось целое историографическое направление (Historikerstreit), представители которого

⁵⁸ Deutscher I. Stalin. A Political Biography. N.Y., 1960. P. 565-569.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Black, Cyril et al. The Modernization of Japan and Russia: A Comparative Study. N.Y., 1975; McDaniel, Tim. Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran. Princeton, 1991.

пытались представить германский фашизм как реакцию цивилизованного Запада на угрозу коммунистической экспансии (например, Э. Нольте).

Как это ни странно, “перестройка” в СССР, открыв простор для лавинообразной информации об “ужасах сталинизма”, ещё более оживила деятельность историков “тоталитаристского” направления, актуализировав вновь сравнения сталинской России с гитлеровской Германией. Характеристики сталинского режима, принадлежащие перу adeптов “тоталитаристской” школы (Р. Пайпс, З. Бжезинский, М. Маля) конца 1980-х - 1990-х гг. стали едва ли не более хлесткими, чем тридцать лет назад. З. Бжезинский в своей книге “Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в XX веке”, опубликованной в 1998 г., называет Великую Отечественную войну братоубийственной войной “между двумя силами, разделяющими общую веру”⁶¹. Он сравнивает Гитлера даже не со Сталиным, а с Лениным, утверждая, что “Гитлер был настолько же ленинистом, насколько Сталин - нацистом”⁶². Почти дословно эти утверждения повторяет и Ричард Пайпс в книге “Россия при большевистском режиме” (N.Y., 1995.). Как позиция Э. Нольте, так и оценки Бжезинского и Пайпса вызвали резкие возражения у коллег и стимулировали новые исследования о взаимоотношениях нацизма и сталинизма (И. Кершоу, А. Буллок, Э. Эктон). Наиболее фундаментальным из них является почти 1000-страничный труд Буллока “Гитлер и Сталин. Параллельные жизнеописания” (L., 1991). Автор пытается на основе колоссального фактического материала, пользуясь методом Плутарха, не только сравнить два режима, но и показать, каким образом национальные лидеры повлияли на сущность этих режимов и определяли их лицо. При этом Буллок подчёркивает, что не намерен строить на материале своего исследования какую бы то ни было отвлечённую концепцию типа “тоталитаристской”, а хотел бы, сравнивая Гитлера и Сталина, показать не только их сходства, но и различия, создать глубоко индивидуальный образ каждого из них. “Параллельные жизнеописания, как и параллельные линии, никогда не сходятся вместе”, - отмечает автор⁶³.

Решительно возражает против механического отождествления нацизма и сталинизма и профессор университета Восточной Англии (Норидж) Эдвард Эктон. В своей небольшой, политически заострённой брошюре

⁶¹ Brzezinski Z. The Grand Failure. N.Y., 1989. P. 7.

⁶² Ibid. P. 8.

⁶³ Bullock A. Hitler and Stalin. N.Y., 1993. P.X XII

“Нацизм и сталинизм. Возможно ли сравнение?” (L., 1998) он, в частности, отмечает, что если оба режима отличаются от модели либерально-демократического государства, это ещё не значит, что они принадлежат к одному типу государств, так же, как “огонь и лёд, резко отличающиеся по температуре от комнатной, отнюдь не одно и то же”⁶⁴. Признавая наличие общих черт у двух антидемократических режимов, Эктон акцентирует их различия в идеологии, экономике, репрессивной политике, организации и функционировании государственного аппарата. Большое значение, с точки зрения автора, имеет также моральный аспект: для “миллионов погибших с обеих сторон на советско-германском фронте сама мысль о некоем единстве режимов показалась бы не только абсурдной, но и оскорбительной”⁶⁵.

Таким образом, несмотря на некоторые модификации концепции “советского тоталитаризма”, происходившие с конца 1950-х - начала 1960-х годов, и десятилетие спустя в советологии все еще сохранялся, по выражению С. Козна, “тоталитаристский консенсус”. В результате в советологии начался кризис, проявившийся в наибольшей степени в США и вызванный целым рядом причин как политического, так и методологического характера. В это время в науку приходит новое поколение советологов, отвергнувшее старую “тоталитаристскую” парадигму и попытавшееся выработать новые, менее политизированные подходы к изучению советской истории.

⁶⁴ Acton E. Nazism and Stalinism. A Suitable Case for Comparison? L., 1998. P. 9.

⁶⁵ Ibid., P. 6.

Лекция III.

Борьба “тоталитаристского” и “ревизионистского” направлений в советологии в 1970 - 1990-е годы

Кризис советологии совпал по времени с политическим кризисом в США, вызванным войной во Вьетнаме и Уотергейтом. На волне довольно сложного по своему составу движения "новых левых" против устоявшихся политических реалий в США подобная тенденция к пересмотру, или "ревизии", господствующего направления в советологии привела к рождению **"ревизионистского" направления** в историографии советского общества.

"Ревизионистами" становились, как правило, молодые историки, которых не удовлетворяли односторонность и детерминизм "тоталитарной" школы. Кроме чисто академических, существовали еще и социально-психологические причины ревизии. Во-первых, перед молодыми историками стоял выбор: либо развивать все ту же "тоталитарную" линию, а следовательно, конкурировать с "зубрами", либо ее опровергнуть, а сделать это без "деполитизации" исторической науки, без тщательного изучения социально-экономической истории СССР было нельзя. Во-вторых, молодежное движение в США во второй половине 1960-х годов было направлено как против "истэблишмента", так и против старшего поколения в целом: его ценностей, образа жизни, лицемерия, агрессивной внутренней и внешней политики. Историки-"тоталитаристы" олицетворяли для молодого поколения историков и то и другое: они занимали все ведущие должности на университетских кафедрах и в исследовательских институтах, не давая возможности молодым сделать карьеру и не терпя иных мнений; они поддерживали и оправдывали "реакционную" политику правительства как прямыми высказываниями, так и эксплуатируя идею "советского тоталитарного режима"; они представляли "истэблишмент" и в прямом, причем самом негативном смысле, поскольку одни советологи старшего поколения пришли в науку из военной разведки (Маршалл Шулман, Мерл Фэйнсон, Адам Улам и др.), другие же в разное время занимали ответственные посты в правительстве (Збигнев Бжезинский и Ричард Пайпс, например). В связи с этим становится понятной буквально

"классовая ненависть" американских историков-ревизионистов к их соотечественникам-"тоталитаристам", не утихающая даже сейчас, спустя 25 - 30 лет после начала конфликта; в других западных странах, скажем, Великобритании, такого резкого противостояния нет.

В противовес "тоталитарной" школе, ревизионисты занялись в основном изучением социальных, социально-политических и социально-экономических аспектов советской истории. Они начали разрабатывать такие проблемы, как социальная структура и социальная мобильность советского общества (Шейла Фитцпатрик), крестьянство и его самосознание (Моше Левин), протест "снизу" против Советской власти (Пол Аврич, Оливер Рэдклифф, Сет Синглтон и др.), положение и самосознание рабочего класса (Уильям Чейз, Хироаки Куромия и Льюис Зигельбаум), история советской культуры (Ш.Фитцпатрик, Энтони Кемп-Уэлч, Ричард Стайтс)⁶⁶. В области политической истории ревизионисты сосредоточились на изучении различных оппозиционных течений внутри партии; в центре внимания оказались лидеры оппозиции - Троцкий, Бухарин, Коллонтай и другие, причем их оппозиционность часто преувеличивалась, либо причины ее понимались неверно, что привело к возникновению различных концепций "альтернативного развития" советской истории. Альтернативы связывались чаще всего с именами Л.Д. Троцкого (Э.Х. Карр, И. Дойчер) и Н.И. Бухарина (С. Коэн)⁶⁷.

У ревизионистов появились, разумеется, и "любимые" периоды советской истории. Так, период новой экономической политики, ранее в основном игнорировавшийся советологами как случайность или тактический маневр большевиков, занял в англо-американской историографии советской истории почетное положение. Демократизация советской экономики, активизация общественной и культурной жизни, развитие самоуправления, частное предпринимательство, концессии, внутрипартийная оппозиция, альтернативы дальнейшего развития политической системы СССР - все это

⁶⁶ Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. N.Y., 1969; Avrich P. Kronstadt, 1921. N.Y., 1970; Fitzpatrick Sh. The Commissariat of Enlightenment. London, 1970; Idem. Education and Social Mobility in the Soviet Union. Cambridge, 1979; Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N.Y., 1989.

⁶⁷ Carr E.H. A History of Soviet Russia; Deutscher I. The Prophet Armed. Trotsky: 1879 - 1921. N.Y., 1965; Idem. The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921 - 1929. N.Y., 1959; Idem. The Prophet Outcast. Trotsky: 1929 - 1940. N.Y., 1963; Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution. N.Y., 1973.

прочно ассоциировалось у западных историков с НЭПом. Но, пожалуй, самое большое внимание в то время в ревизионистской историографии уделялось кризису военного коммунизма и причинам перехода к НЭПу. В связи с этим началось изучение жизни и деятельности В.И. Ленина, не только как одного из создателей советской политической системы, но и как умного и дальновидного реформатора, гибкого политика, способного принимать неординарные решения и круто менять курс, когда этого требуют обстоятельства⁶⁸.

Конечно, ревизионистская историография возникла не на пустом месте. Среди историков, значительно повлиявших на новое поколение советологов, выше уже отмечался У. Чемберлин. Пожалуй, не меньшее, если не большее влияние на них оказал британский историк Эдвард Х. Карр, причем не только на историков ревизионистского направления. Подавляющее большинство западных историков отмечает заслуги Карра в советологии, как и его объективизм, хотя в то же время его работы подвергались в 1950 - 1960-х годах, а в некоторой степени и сейчас, суровой критике. Интересно, что почти все критики Карра, отмечая его сугубо объективный подход к советской истории, и иногда даже ставя его в вину (например, У. Лакер⁶⁹), пытались наклеить ему политический ярлык, от сталиниста до троцкиста. В отношении Карра критики часто использовали привычный и безотказный метод: акцентировать не его реальный вклад в историческую науку, а то, что он не успел, не смог или не планировал сделать. В связи с этим представляется необходимым остановиться на жизни и деятельности Э.Х. Карра несколько подробнее.

Один из старейших английских советологов, Карр как бы явился связующим звеном между старым и новым поколениями специалистов по советской истории. Родился он еще в прошлом веке, в 1892 году, и после окончания Тринити-колледжа быстро сделал дипломатическую карьеру, отдав дипломатической службе двадцать лет жизни. Э.Х. Карр участвовал в работе Версальской мирной конференции в составе британской делегации, а в 1930-е годы был одновременно секретарем английской миссии в Риге и советником Лиги Наций. Эта служба в значительной степени определила научные интересы Карра: русская и восточноевропейская история, с одной стороны; Лига Наций - с другой. После отставки в 1936 году Карр препода-

⁶⁸ См., например, Rabinovitch A. *Bolsheviks Come to Power*. N.Y., 1976.

⁶⁹ Laqueur W. *The Fate of the Revolution*. P. 120-121.

вал в университете Уэльса, а в годы второй мировой войны был заместителем редактора газеты "Таймс". После войны Карр постоянно преподавал в Оксфорде и Кембридже, а также занимался научными исследованиями. Научное наследие Карра огромно. Оно включает относительно ранние, но высоко оцениваемые историками книги о К. Марксе, М.А. Бакуnine, Ф.М. Достоевском, А.И. Герцене, Г. Гервеге, международных отношениях в межвоенный период, труды по методологии и философии истории, в том числе небольшую по объему, но оказавшую на западных историков значительное влияние, книжку "Что такое история".

Однако самым значительным исследованием Э.Х. Карра стала четырнадцатитомная "История Советской России", над которой он работал более тридцати лет, с 1945 до конца 1970-х годов. Весь труд организован в несколько серий: "Большевистская революция", включающая в себя первые три тома (выходили соответственно в 1950, 1952 и 1953 годах), охватывает период с 1917 до 1922 года; затем следует один том под названием "Междоусобица (1923 - 1924)", последующие четыре тома, тематически охватывающие период 1925 - 1926 годов, носят название "Социализм в одной стране"; заключительные тома под общим названием "Строительство плановой экономики", написанные совместно с другой легендой британской советологии, специалистом по экономической истории СССР, Робертом Дэвисом, посвящены свертыванию НЭПа и развитию индустриализации и коллективизации в конце 1920-х - начале 1930-х годов.

"История Советской России" не только принесла Карру прижизненную славу, но и вызвала яростную критику. Автора упрекали в том, что он не дал в первых трех томах последовательного описания событий революции и гражданской войны, хотя в предисловии Карр дал понять, что не собирается писать очередную фактологию русской революции, а намеревается сосредоточиться на исследовании идеологии большевизма, ее эволюции, а также эволюции государственных институтов Советской России. Такое решение Карра можно понять: краткое изложение событий не имело бы смысла, а детальное фактологическое исследование отвлекло бы автора от поставленной задачи и не облегчило бы, как считают некоторые критики, а усложнило восприятие книги, значительно увеличив объем. Другим "грехом" Карра было то, что он в основном ограничился использованием советских официальных источников, проигнорировав западные, в основном эмигрантского происхождения, источники и значительную часть исследовательской лите-

ратуры об Октябрьской революции. На это можно возразить, что, во-первых, дело не только в том, какие именно источники использовать, но и в том, как использовать; во-вторых, Карр, по объективным причинам не имея доступа к советским архивам, использовал обширный круг самых разных источников, пусть и официального происхождения; в-третьих, эмигрантские источники вряд ли дали бы Карру необходимые, а главное, достоверные данные по интересующему автора кругу проблем. Ставили ему в вину и "дипломатический" подход к историческому исследованию, при котором, как отмечает У. Лакер, было "нелегко проследить его истинные взгляды."⁷⁰ Однако Карр проявил скорее твердую позицию, сделав выводы, несовместимые или плохо совместимые с господствующим на Западе в разгар "холодной войны" отношением к большевизму, Октябрьской революции и советскому "режиму" в целом.

Во-первых, он, принципиально отказавшись от "вынесения приговоров" историческим личностям, положительно оценивал Ленина как революционера и государственного деятеля, который, в отличие от Маркса, проявлявшего в основном разрушительные способности, обладал созидательным талантом. Во-вторых, Карр показал, что советские руководители постоянно вынуждены были считаться в своей политике с объективной реальностью, которая в какой-то степени корректировала их утопические проекты. Так, он одним из первых, если не первым среди историков, сделал вывод о гибели НЭПа вследствие его естественных противоречий между необходимостью ускоренного развития промышленности и отсталостью сельского хозяйства, которое не обеспечивало и не могло обеспечить такого развития. Таким образом, полагает Карр с некоторыми оговорками, в российских условиях планируемая индустриализация требовала широкомасштабной реорганизации сельского хозяйства и подчинения рынка плану. Расцвет НЭПа в середине 1920-х годов Карр характеризует как период "компромисса, идеалистических пожеланий и ухода от реальных проблем." Здесь проявилась еще одна сильная сторона Карра как исследователя, он постоянно подчеркивал, что нельзя судить об истории другой страны, в частности России, с помощью англо-американских аналогий: "Ни один разумный человек не станет измерять Россию Ленина, Троцкого и Сталина аршином, позаимствованным у Британии Макдональда, Болдуина и Черчилля или у Америки

⁷⁰ Ibid. P. 112.

Вильсона, Гувера или Франклина Рузвельта."⁷¹ Это замечание Карра представляется очень важным с методологической точки зрения, так как, к сожалению, подобные аналогии, не говоря уже о весьма распространенной некогда аналогии с фашистской Германией, преобладали в западной историографии советской истории, что приводило, как правило, к серьезным ошибкам. Так, знаменитая теория "советского тоталитаризма" строилась как раз на сравнении и противопоставлении советского государства западной парламентской демократии. С этой точки зрения, которая, впрочем, для западного историка, воспитанного на принципах политического либерализма, совершенно естественна, любое государство, не соответствующее параметрам парламентской демократии, является в той или иной степени тоталитарным. Не вдаваясь в детальный политологический анализ, заметим, однако, что "теория тоталитарных режимов" является чисто теоретической моделью, сконструированной вначале политологами, а затем вошедшей в обиход историков, поэтому на практике ни одно государство, претендующее на "тоталитарность" (нацистская Германия, СССР, Китай и др.), не обладало всеми признаками "собирающего образа" идеального тоталитарного режима. Да и логически такой режим не может существовать, по крайней мере, длительное время. Если относительно СССР мнения западных историков расходились, то уж тоталитарность нацистской Германии ни у кого сомнений не вызывала, тем не менее в последние двадцать лет появились исторические исследования, оспаривающие эту точку зрения⁷². С другой стороны, основываясь на многочисленных фактах "промывания мозгов" в США, можно без особого труда доказать наличие в этой стране тоталитарного режима. Таким образом, концепция, незаменимая в идеологической борьбе, оказывается совершенно несостоятельной в качестве исторической модели. Добавим, что вышеуказанная теория совершенно игнорирует национальные и региональные особенности, исторические традиции, менталитет, хотя внешне она выглядит вполне убедительно. Стивен Коэн по этому поводу заметил, что действия Советского правительства, особенно во внешней политике, сделали критику "тоталитаристской" концепции очень трудным делом⁷³.

⁷¹ Carr E.H. The Bolshevik Revolution. Vol. 1. L., 1950. Preface. P. V.

⁷² Joll, James. Prussian Night // New Statesman. 1978, January 20; Aycoberry, Pierre. The Nazi Question. N.Y., 1981.

⁷³ Cohen, Stephen. Rethinking the Soviet Experience. P. 19.

Среди других предшественников ревизионистской историографии можно отметить Исаака Дойчера и Моше Левина. Дойчер, оставивший большое литературное наследство, получил широкую известность в основном благодаря основательным и живо написанным биографиям Троцкого, Ленина и Сталина⁷⁴. Будучи марксистом по политическим взглядам и сторонником Троцкого в частности, Дойчер отошел в значительной степени от марксистского догматизма в оценке советских лидеров и поставил целью создать яркие и объективные политические портреты. Об объективности Дойчера свидетельствует и такой факт: будучи горячим приверженцем политической линии Троцкого, он в то же время отдавал должное Сталину как политическому деятелю и даже полагал, что политические репрессии в СССР накануне второй мировой войны были в некоторой степени оправданы перед лицом грозящей военной опасности⁷⁵. Это ни в коем случае не означает, что Дойчер был апологетом сталинизма, напротив, он был одним из самых горячих его критиков, однако он полагал, что в конце 1920-х - 1930-е годы Сталин выполнил свое предназначение в плане модернизации России, развития ее экономического потенциала и сохранения революционных завоеваний; если троцкизм и представлял собой теоретическую альтернативу сталинизму, в то время на практике она была нереализуема. Политические изменения, в которые Дойчер свято верил даже в период наибольшей видимой стабильности сталинизма, должны были произойти вследствие роста политической сознательности и активности советского рабочего класса. Говоря иными словами, по мнению Дойчера, Сталин, проводя индустриализацию, объективно способствовал изменению характера политической власти⁷⁶.

Моше Левин, профессор истории Пенсильванского университета (Филадельфия), как и Дойчер, не вписывается полностью в ревизионистскую схему, однако он также значительно повлиял на ревизионистскую историографию и упоминается С. Коэном как один из предтеч этого направления⁷⁷. Одним из первых авторов в американской историографии Левин сосредоточил внимание на взаимоотношениях крестьянства и Советской власти, при-

⁷⁴ Deutscher, Isaac. Stalin. A Political Biography. N.Y., 1949; Idem. Lenin's Childhood. L., N.Y., 1970. См. также упомянутую выше биографию Троцкого в 3-х томах.

⁷⁵ Deutscher, Isaac. Stalin, . P. 560-561.

⁷⁶ Ibid. P. 569.

⁷⁷ Cohen S. Rethinking the Soviet Experience. P. 169n.

чем не только в смысле насилия Коммунистической партии и Советского правительства над крестьянством, но и влияния крестьян на политику Советской власти, а также на исследовании социального состава советского крестьянства⁷⁸.

Левин в своих работах уделял большое внимание преемственности советской политики и, в частности, влиянию гражданской войны и "военного коммунизма" на формирование НЭПа и его судьбу. Он совершенно справедливо отмечал несколько аспектов негативного влияния "военного коммунизма": 1) бюрократизация партии вследствие отождествления партии и государства; 2) формирование "командного" менталитета советско-партийных чиновников, что сыграло большую роль в свертывании НЭПа в конце 1920-х годов; 3) изменение крестьянского менталитета в смысле возврата к уравнильно-общинным принципам XIX века и ликвидация тем самым положительных результатов столыпинской реформы. Преимущественно эти, а также ряд других факторов привели, по мнению М. Левина, к формированию сталинского режима, который, однако, не был тоталитарным. Советская бюрократия, которая являлась главной опорой сталинизма, отнюдь не была столь монолитной, как это представляется на первый взгляд; сплоченная против внешней угрозы, она была тем не менее разделена на многочисленные группы, боровшиеся друг с другом за сферы влияния в государственной политике, что не позволяло бюрократии полностью контролировать общество. Левин неоднозначно оценивал и взаимоотношения Сталина с его бюрократическим окружением. С одной стороны, Сталин был тесно связан с аппаратом и опирался на него в своей политике, с другой - постоянно с ним боролся, добиваясь со стороны бюрократического аппарата полного подчинения. Чистки 1930-х годов и были, считает Левин, орудием этой борьбы, однако орудием неэффективным, поскольку они, ослабляя одну бюрократическую группу, усиливали другую. Здесь Левин солидарен с Максом Вебером в том, что раз созданную бюрократию уничтожить очень трудно или даже невозможно⁷⁹. Таким образом, в своих работах М. Левин старался показать наличие конфликтов - социальных, политических, идеологических - в раннем советском обществе и исследовать

⁷⁸ Lewin M. Who Was the Soviet Kulak? // Soviet Studies. 1966. Vol. 18. № 2; Lenin's Last Struggle. N.Y., 1968; Russian Peasants and Soviet Power. Evanston (Ill.), 1968.

⁷⁹ Левин М. Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 18.

эти конфликты на разных уровнях, что совершенно шло вразрез с основными постулатами "тоталитаристского" подхода.

Так же, как и "тоталитаристская" концепция, в основе которой лежала разработанная политологами "теория тоталитарных режимов", ревизионизм в советологии базировался на исследованиях политологов-ревизионистов, акцентировавших конфликтный характер советского общества⁸⁰. По мнению С. Козна, корни такого подхода уходят в такое известное направление американской политологии 1950 - 1960-х годов, как "кремлинология", которая, несмотря на "кровное" родство с теорией "тоталитарных режимов", концентрировала внимание "на скрытой борьбе внутри советского руководства" и тем самым "подрывала идею монолитности советского режима."⁸¹ Множество исследований на эту тему появилось после знаменитого разоблачения "антипартийной группы Маленкова, Молотова и Кагановича" в 1957 году, которое выявило в какой-то степени борьбу в советском руководстве, оставшуюся доселе "за сценой". В то же время противники "кремлинологии" ставили ей в вину недооценку или игнорирование более крупных социальных конфликтов, нежели просто междоусобная борьба в высшем эшелоне власти. Так, британский историк советской экономики Алек Ноув заметил по этому поводу, что борьба между различными политиками за власть на персональном уровне совершенно естественна и характерна для любой страны, а не только СССР, и на этой основе нельзя делать далеко идущие выводы о характере всего общества⁸².

Методологический кризис в советологии на рубеже 1960 - 1970-х годов проявился не только в неспособности западных историков объяснить многие факты советской истории и современной действительности исходя из "тоталитарной" модели, но и в терминологической неопределенности. Каждый вкладывал в понятия "тоталитаризм", "национал-большевизм", "авторитаризм", "сталинизм" и многие другие термины, число которых выросло в 1960-е годы до нескольких десятков, разное содержание, что приводило к терминологической путанице и возникновению сомнительных с

⁸⁰ Communist Studies and the Social Sciences, ed. by Frederick J. Flernon, Jr. Chicago, 1969; Tucker R. C. The Soviet Political Mind. N.Y., 1971.

⁸¹ Cohen S. F. Rethinking the Soviet Experience. P. 30. Среди "кремлинологов", объективно повлиявших на ревизионистскую политологию, Козн называет Вольфганга Леонхарда, Роберта Конквеста, Бориса Николаевского и других.

⁸² Nove A. The Uses and Abuses of Kremlinology // The State of Soviet Studies. Walter Z. Laqueur and Leopold Labedz, eds. Cambridge (Ma.), 1965. P. 136-137.

научной точки зрения и малопонятных для аудитории, но очень звучных сочетаний: тоталитарный синдром, логика тоталитаризма, тоталитарный менталитет и другие. В связи с этим известный советолог старшего поколения Альфред Мейер заметил в 1965 году, что понятие “тоталитаризм” является очень широким и неопределенным, а “термины, которые слишком неопределённые, становятся бесполезными”⁸³.

Кстати, он стал одним из первых политологов тоталитаристского направления, который отметил необходимость пересмотра устаревших концепций и отказался от употребления термина “тоталитаризм” в качестве ключевого в характеристике сущности советской системы, заменив его понятием “бюрократизм”⁸⁴. В той или иной степени пересмотрели свой ортодоксальный взгляд на тоталитарную природу советского режима также такие известные историки и политологи, как Роберт Такер, Роберт Дэниелс и даже стоявшая у истоков тоталитарной модели Ханна Арендт⁸⁵.

Все это привело уже в первой половине 1970-х годов к **спорам о сущности советологии как науки**, о ее достижениях и просчетах. Эти дискуссии продолжаются, с разной степенью интенсивности, до сих пор, активизируясь с началом каждого очередного кризиса советологии. Общий смысл дискуссий сводится к попыткам определить, чем же в большей степени является советология: исторической дисциплиной или политологической и, в зависимости от этого, должна ли она в первую очередь добросовестно и объективно изучать советское прошлое либо предсказывать будущее советской системы.

Общность подходов к российской истории объединила профессиональных историков Роберту Мэннинг, Джона Арч Гетти, Габора Риттерспорна, Хироаки Куромия, Уильяма Чейза, Линн Виолу, Льюиса Зигельбаума и других. Постепенно сложилась “целая школа историков”, чьё отношение к Советскому Союзу было куда более **симпатизирующим**, нежели их предшественников, чьи концептуальные подходы вошли в противоречие с устоявшимися оценками тоталитарной советологии.

⁸³ Meyer, Alfred. The Soviet Political System. N.Y., 1965. P. 471.

⁸⁴ См. Meyer, Alfred. The Comparative Study of Communist Political Systems // The Soviet Political System, ed. by Richard Cornell. Englewood Cliffs, NJ, 1970. P. 46-54.

⁸⁵ Tucker, Robert C. The Soviet Political Mind. Studies in Stalinism and Post-Stalin Change. N.Y., 1963; Daniels, Robert V. Introduction // The Stalin Revolution: Fulfillment or Betrayal of Communism? Boston., 1965; Arendt, Hannah. Origins of Totalitarianism. N.Y., 1973 (Preface).

Отправной точкой ревизионистской историографии стало представление о сложности и многовариантности советской истории. Прежде всего ревизионисты подвергли сомнению жесткую преемственность советского режима от Ленина к Сталину и далее вплоть до Горбачева. На протяжении 1970 - 1980-х годов вопрос о происхождении и сущности сталинизма был, пожалуй, основным в советологии. По мнению Р. Такера, С. Коэна, Р. Дэя и некоторых других авторов, сталинизм не вытекал неизбежно из ленинизма, еще в меньшей степени был предопределен тот размах террора и репрессий, с которым советское общество столкнулось в 1936 - 1938 годах. По мнению вышеуказанных авторов, вплоть до конца 1920-х годов существовали альтернативы сталинизму. Если исторически эти альтернативы связываются в основном с НЭПом, то о персональном их воплощении мнения расходятся. Профессор Коэн видит наиболее реальную из них в лице Бухарина. И вся его книга о Бухарине - это доказательство альтернативности бухаринизма как более либерального и гуманного варианта русского коммунизма с его "врожденными авторитарными традициями"⁸⁶. Профессор Дэниелс, автор широко известного и во многих отношениях до сих пор не превзойденного исследования об оппозиционных течениях в партии в 1920-е годы, "Совесть революции", добавлял к Бухарину и правой оппозиции альтернативу Троцкого и левой оппозиции, так как именно левые, с его точки зрения, подняли вопрос о демократии и бюрократии внутри большевистской партии как основной опасности для нее самой и страны в целом, прокладывая путь к "фатальной неизбежности установления личного правления"⁸⁷. Представление о троцкизме как о потенциальной, хотя и нереализуемой в тогдашних условиях, альтернативе сталинизму разделял и И. Дойчер. Убежденным защитником Троцкого и его программы, реализация которой могла способствовать формированию принципиально иной политической и экономической системы в СССР, нежели сталинская, является канадский историк Ричард Дэй⁸⁸. Более осторожно и чисто теоретически оценивал возможность троцкистской альтернативы английский историк Эдвард Карп, исходя из экономической программы Троцкого. Другие кандидаты на роль носителя

⁸⁶ Коэн, Стивен. Бухарин. С. 23.

⁸⁷ Daniels, Robert. The Left Opposition as an Alternative to Stalinism // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 4. P. 90.

⁸⁸ См. Day, Richard B. Leon Trotsky and the Politics of Economic Isolation. Cambridge (Eng.), 1973

альтернативных тенденций в советской политике выдвигались советологами крайне редко. Так, например, Р. Такер, с известной долей скепсиса относясь в целом к возможности альтернативного развития советской системы, полагал, что если такая альтернатива была возможна в принципе, то она могла быть связана только с Рыковым как непосредственным преемником Ленина на посту председателя Совнаркома, к тому же практиком, имевшим значительный опыт административно-хозяйственной работы и обладавшим немалой популярностью в массах⁸⁹. Иногда в качестве альтернативной фигуры называют также С.М. Кирова.

Необходимо отметить, что концепция “антисталинской альтернативы” весьма уязвима и вообще плохо согласуется с приверженностью ревизионистов к социальной истории. Во-первых, если все дальнейшее развитие советской истории зависит в определенный момент от личности того или иного политика, претендующего на верховную власть (или даже не претендующего, как, например Бухарин или Рыков), то весь ход истории приобретает случайный характер. Кроме того, неясно, какую роль здесь играет политика “снизу”. Во-вторых, сторонники “альтернативы” явно преувеличивали как принципиальные разногласия среди партийных лидеров, так и их реальный политический вес в советском обществе. Кроме того, если даже идеи того или иного политика о строительстве социализма теоретически были хороши и привлекательны для большей части советского общества, или некоторых его слоев, то это не значит, что они были осуществимы с экономической точки зрения.

С обстоятельной и весьма убедительной критикой альтернативной концепции выступил британский историк Алек Ноув, автор многократно переиздававшейся книги “Экономическая история СССР”, лучшего в советологии краткого анализа основных тенденций в развитии советской экономики и экономической политики. Он отмечает, что так называемая “бухаринская альтернатива” была всего лишь смягченным вариантом сталинизма. Выдвинув в 1925 году лозунг “Обогащайтесь!”, обращенный к крестьянам, он вскоре отошел от него и призвал к “форсированному наступлению на кулачество” уже в октябре 1927 года, в выступлении на профсоюзной конференции в Москве. Еще более скептически Ноув оценивает возможность троцкистской альтернативы⁹⁰. Профессор Свободного

⁸⁹ Такер Р. В центре внимания - советская история // Коммунист. 1990. № 9. С. 81-82.

⁹⁰ Ноув А. О судьбах нэпа // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 173, 175.

университета в Берлине Михал Рейман, признавая относительную полезность концепции альтернатив как теоретической модели, в то же время предостерегает от увлечения “историей в сослагательном наклонении”. По его мнению, говоря о возможности той или иной альтернативы в истории, исследователи должны задумываться над условиями ее реализации, поскольку реальной альтернатива становится только тогда, когда она может рассчитывать на широкую общественную поддержку⁹¹.

Все это позволяет понять, почему альтернативистская концепция, на какое-то время ставшая очень популярной на Западе, особенно в связи с выходом в 1972 году книги С. Коэна о Бухарине, довольно быстро была забыта. Ее возрождение пришлось на конец 1980-х годов, преимущественно в Советском Союзе, когда в ходе горбачевских реформ оказались востребованными некоторые идеи Бухарина и других “мягких большевиков”. Но вскоре произошли события, ознаменовавшие крах политики Горбачева (распад СССР, приход к власти Ельцина и начало радикальных экономических и политических реформ), и альтернативистская концепция, наряду с другими западными моделями советской истории некритически заимствованная советскими историками из арсенала западной советологии, вновь утратила актуальность.

Почему же все-таки, по мнению советологов, в СССР утвердился сталинизм и что он из себя представлял как исторический феномен? Критики тоталитарной концепции из числа американских советологов, в первую очередь Роберт Такер и Стивен Коэн, объясняли победу сталинизма не столько объективными, сколько субъективными факторами. “Что сделало тенденцию исторической реальностью - так это не характер России и не природа большевизма, - писал профессор Такер в 1963 году, - то была природа Сталина. Его личность явилась наибольшей важности фактором, определившим историю сталинского периода”⁹². Через два года вместе со Стивеном Коэном они издадут документальную книгу о процессе над Бухариным, в предисловии к которой эта мысль получит более расширенную трактовку. “Наша теория тоталитаризма, - читаем в книге, - необоснованно отвергала личностный фактор. Она не принимала во внимание или уделяла недостаточно внимания роли диктатора и его личности в определении деятельности ре-

⁹¹ Рейман М. Перестройка и изучение советской истории // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 155.

⁹² Tucker, Robert C. The Soviet Political Mind, Д. 47.

жима, динамике самого тоталитаризма, в том действительно тоталитарном положении, как Германия при Гитлере и Россия во времена Сталина"⁹³. Не потребности самой советской системы, а потребности лично Сталина как политические, так и психологические, определяли события 1937 - 1938 годов в России. Он был не только "изначальным движителем и режиссером событий, но они и имели место в основном только потому, что он неумолимо желал их"⁹⁴. Все, что произошло в 1930-е годы, заключают авторы, это только его воля и желание, которые не разделяла широкая часть советской правящей элиты. Английский историк Эдвард Карр, считая Сталина "жесточайшим деспотом, которого Россия не знала со времен Петра"⁹⁵, тем не менее объясняет феномен сталинизма в первую очередь не особенностями личности Сталина, а историческими условиями, в которых ему пришлось действовать. "То было безумие, - восклицает профессор Левин, - ... политическое безумие человека со сверхчувствительными органами параноика"⁹⁶. Но за этим безумием что-то было. И он выделяет три, с его точки зрения, основных фактора, определивших сталинизм: неразбериха в социальной структуре общества и постоянные изменения в ней, вносимые индустриализацией; показатели экономического роста, хотя и далекие от стабильности, и культурно-исторические традиции России, особенно в крестьянской среде⁹⁷. В такой ситуации требовался какой-то символ стабильности и безопасности. Им стал Генеральный секретарь ЦК партии и его культ.

Ревизионисты 1970-х годов попытались трактовать советологическую профессию как профессию историка, которая должна отвоевывать себе достойное место в борьбе с политологией, господствовавшей в советологии с первых послевоенных лет. У истоков нового направления в советологии, по оценкам самих ревизионистов, стояла профессор Шейла Фицпатрик. "Ни один ученый, - пишет Джон Арч Гетти, - не сделал большего для поощрения серьезных эмпирических исследований и предложения новых захватывающих направлений, чем Шейла Фицпатрик"⁹⁸. Она очень активно в течение уже тридцати лет занимается изучением социальных аспектов советской ис-

⁹³ The great purge trial, ed. by Robert Tucker and Stephen Cohen. N.Y., 1965. P. XXVIII.

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ Карр Э. Русская Революция от Ленина до Сталина, с. 185.

⁹⁶ Lewin, Moshe. The Making of the Soviet System, P. 281.

⁹⁷ Ibid. P. 274.

⁹⁸ Getty, John Arch. State, Society, and Superstition // Russian Review. 1987. Vol. 46, № 4. P. 391.

тории, опубликовав за это время около десятка книг по широкому кругу проблем⁹⁹. В первую очередь следует отметить ее исследование по социальной мобильности в СССР в 1920 - 1930-е годы, в котором Фицпатрик рассматривает такие процессы, как миграция крестьян в города, повышение трудовой квалификации рабочих на крупных предприятиях, а также пополнение низшего и среднего звена партийно-советского аппарата за счет рабочих и крестьян - так называемых “выдвиженцев”. Одним из каналов мобильности Фицпатрик считает повышение образовательного уровня населения, невозможное в таких масштабах до революции. Расширяя в 1980 - 1990-е годы проблематику своих исследований, Шейла Фицпатрик принимает всестороннее исследование сталинской культурной революции, начиная со своей знаменитой статьи “Культурная революция как классовая война”¹⁰⁰. В ней автор не только проводит различие между ленинской и сталинской культурной политикой, но и выделяет два этапа в сталинской “культурной революции”: 1) годы первой пятилетки, отмеченные революционным натиском молодых “активистов” на старую, традиционную культуру, и ее носителя - “буржуазную” интеллигенцию; 2) период “реакции”, когда приоритеты в культурной политике меняются, возрождается классическое искусство, разгоняется РАПП и другие левацкие организации, а статус “буржуазных” специалистов вновь повышается. Сталинская культурная революция, таким образом, возвращается отчасти к ленинским принципам. При этом в выигрыше остаются практически все слои населения: и крестьяне, и рабочие, и старая интеллигенция, и новая. “Если бы провели опрос среди интеллигенции, допустим, в 1934 году, - полагает Фицпатрик, - он бы несомненно показал возросшее доверие к власти (и не только по сравнению с 1929, но и с 1924 годом) и надежды на дальнейшее улучшение ситуации”¹⁰¹. Вот в этом-то “если бы” и заключается вся проблема: рядовая демократическая процедура, столь привычная в Америке, совершенно немыслима в СССР даже в 70-е, не говоря уж о 30-х годах! Конечно, картина, нарисованная Шейлой Фицпатрик, чересчур прямолинейна и несколько

⁹⁹ Fitzpatrick, Sheila. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917-1921. Cambridge (Eng.), 1970; Idem. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1934. Cambridge (Eng.); N.Y., 1979; Idem. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, 1992 и др.

¹⁰⁰ Fitzpatrick, Sheila. Cultural Revolution as Class War // Cultural Revolution in Russia, 1928 - 1931. Bloomington, 1978.

¹⁰¹ Ibid. P. 38.

идеализирована, но к ее несомненным заслугам стоит отнести представление о сталинской эпохе как о значительно более сложной и динамичной, чем это представляли себе историки тоталитаристского направления. И, разумеется, у Фицпатрик и речи не шло об абсолютном насилии “верхов” над “низами”, - по ее мнению, “революция сверху” вполне успешно сочеталась с “революцией снизу”.

Направления исследований, заданные Моше Левиным и Шейлой Фицпатрик, получили дальнейшее развитие в ревизионистской историографии 80-х и 90-х годов. В это время в науку приходит новое поколение ревизионистов, которые в пересмотре традиционных подходов советологии пошли значительно дальше своих старших коллег. Одной из форм самовыражения ревизионистов стали сборники статей по Октябрьской революции и гражданской войне, нэпу, культурной революции, сталинизму, основанные на материалах конференций и семинаров, проводившихся вначале в университете Пенсильвании по инициативе и под руководством Моше Левина и Альфреда Рибера, а затем в Индианском университете, который и стал главной “базой” ревизионистов¹⁰². Задачей семинаров было обеспечить преемственность между различными поколениями историков-ревизионистов, а также дать комплексную характеристику развития советского общества в первые пореволюционные десятилетия с позиций социальной истории. Так, период нэпа трактовался ревизионистами не просто как переход от ленинизма к сталинизму, “передышка” перед очередным наступлением, а как период приспособления власти к настроениям и потребностям общества, которое сохранило в себе многие элементы традиционного менталитета и влияло на политику, сдерживая революционный пыл партийной верхушки¹⁰³. Вокруг семинаров складывается костяк постоянных авторов, который составили, в числе других, Уильям Розенберг, Шейла Фицпатрик, Дайан Кёнкер, Джон Хэтч, Джеффри Брукс, Катерина Кларк, Ричард Стайтс. Круг рассматриваемых участниками семинаров проблем был очень широк и включал в себя всевозможные аспекты жизни советского общества и его социально-политической активности: классовая идентичность (Ш. Фицпат-

¹⁰² Кроме упоминавшегося ранее сборника статей о культурной революции см. Party, State and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History. Bloomington, 1989; Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. Bloomington, 1991. Семинары, материалы которых легли в основу сборников, состоялись, соответственно, в 1984 и 1986 годах.

¹⁰³ Russia in the Era of NEP, P. 3.

рик), взаимоотношения рабочих с крестьянами и с властью (Д. Хэтч, У. Чейз, Х. Куромия, Д. Кёнкер), настроения в армии (Марк фон Хаген), культура, в том числе массовая, и идеология (Р. Стайтс, К. Кларк, Дж. Брукс). При этом даже сам термин “тоталитаризм”, столь привычный для советологии, как правило, не употреблялся.

В 1980-е годы в США и европейских странах выходит также большое количество монографий по означенным выше и другим проблемам истории советского общества, написанных ревизионистами¹⁰⁴. Настоящий скандал в советологии вызвала книга Джона Арч Гетти “Истоки Больших Чисток: новый взгляд на Коммунистическую партию Советского Союза, 1933-1938”¹⁰⁵. Дело в том, что Арч Гетти отнюдь не концентрирует внимание на ужасах сталинского террора или личности Сталина, как это часто делали его предшественники, описывая историю Советского Союза 30-х годов. Напротив, центральной главой книги является глава, посвященная обмену партийных документов в 1935 году. Гетти вообще считает, что устоявшееся представление о терроре 30-х как заранее спланированной и всеобъемлющей акции, проведенной Сталиным при опоре на бюрократию, в корне неверно. По его мнению, партия в 30-е годы отнюдь не была монолитной, существовала скрытая борьба между ее центральными органами и местными организациями. Сталин же, будучи действительно исторически значимой фигурой, тем не менее не играл решающей роли в советской политике, лавируя между различными группировками в партии. Масштабы террора 30-х годов, полагает Гетти, существенно преувеличены в западной историографии, а “ежовщина” была на самом деле не воплощением сталинского террора, а “радикальной, даже истерической реакцией на действия бюрократии”¹⁰⁶.

Книга Арч Гетти была с восторгом встречена ревизионистами и с негодованием - историками традиционного направления, и не только ими. В од-

¹⁰⁴ Chase, William J. Workers, Society and the Soviet State. Labor and Life in Moscow, 1918-1929. Chicago, 1987; Sigelbaum, Lewis. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935-1941. Cambridge, 1988; Stites, Richard. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N.Y., 1989; Filtzer, Donald. Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations. L., 1986; Viola, Lynn. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Collectivization. Oxford, 1987 и многие другие.

¹⁰⁵ Getty, John Arch. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938. Cambridge, 1985.

¹⁰⁶ Ibid. P. 206.

ной из своих статей Питер Кенез, историк, не принадлежащий к тоталитарной школе, возражая Гетти, отмечал: “Это были кровавые времена (30-е. - А.Н.), а сталинизм - кровавая система”¹⁰⁷.

Таким образом, если “ранние” ревизионисты в принципе не возражали против характеристики сталинизма как террористической системы, заявляя только о невозможности распространения этой характеристики на всю советскую систему и о необходимости изучать сталинизм не только “сверху”, но и “снизу”, то ревизионисты 80-х годов вообще не оставляли в советской истории места тоталитаризму, придя к однозначному выводу: советское общество 30-х годов тоталитарным не являлось.

Новые исследования ревизионистского толка по проблемам сталинизма появились в 1970-е годы и в Великобритании. Прежде всего это известная работа Роджера Петибриджа “Социальная прелюдия к сталинизму” (Л., 1974). Петибридж подвергает в ней сомнению тезис о “сталинской революции сверху” и пытается выяснить, какова была социальная база сталинизма, какую роль сыграли различные социальные слои советского общества в становлении сталинской системы. В свое время эта книга была очень популярна, хотя одновременно вызвала немало критических откликов, в связи с тем, что выводы автора не были в достаточной степени аргументированы. Действительно, объем источников, оказавшихся в распоряжении Р. Петибриджа, был относительно невелик, он не имел в то время доступа к советским архивам, в то же время официальные документы не давали достаточно материала для полноценного исследования о социальных корнях сталинизма. К тому же над историком все еще довлели старые стереотипы, что он самокритично признает в своей очередной работе “Один шаг назад, два шага вперед. Советское общество и политика в годы новой экономической политики” (Oxford, 1990), в которой он пытается дать абсолютно децентрализованную картину советской действительности в 20-е годы, сравнивая два года (1922 и 1926) и четыре провинциальных региона СССР.

Гораздо успешнее шло развитие исследований по экономической истории СССР. Кроме уже упоминавшегося выше Алека Ноува, профессора университета Глазго, перу которого принадлежат, помимо “Экономической истории СССР”, десятки исследований по экономике СССР и других восточноевропейских стран, а также о сталинизме и горбачевской политике

¹⁰⁷ Цит. по: Розенберг У. История России конца XIX - начала XX в. в зеркале американской историографии // Россия XIX - XX веков. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 15.

гласности, подобные исследования в течение всего послевоенного времени проводили сотрудники Центра российских и восточноевропейских исследований при Бирмингемском университете. У истоков Центра стоял русский ученый - эмигрант Александр Байков, сотрудничавший в 1930-е годы в Праге с С.Н. Прокоповичем, но через некоторое время после оккупации Чехословакии вынужденный перебраться в Англию. В годы войны он работал над своим монументальным трудом "Развитие советской экономической системы" (Cambridge, 1946), который в течение последующих 25 лет, до выхода книги А. Ноува, был настольной книгой каждого исследователя советской экономики. По мнению А. Ноува, книга А. Байкова и в 1960-е годы оставалась одним из лучших исследований довоенной советской экономики. В том же 1946 году в США вышла другая его работа - "Советская внешняя торговля". К этому времени Байков, бывший некогда непримиримым противником "советского эксперимента" и сражавшийся в годы гражданской войны против большевиков, пришел к выводу о прогрессивности советской системы государственного планирования, и в своих исследованиях он проводит мысль о необходимости для Запада заимствовать положительный советский опыт, полагая, что все западные страны вынуждены будут рано или поздно пойти по пути развития плановой экономики. Подобные идеи высказывались и некоторыми другими видными британскими учеными, в частности Морисом Доббом и Эдвардом Карром. Видимо, труды Байкова не вызвали сильного раздражения у советских властей, поскольку в 1963 году, незадолго до смерти, он получил разрешение приехать на два месяца в СССР по приглашению Института экономики¹⁰⁸. Благодаря многолетним стараниям Байкова осенью 1963 года, несколько месяцев спустя после его кончины, при Бирмингемском университете был открыт Центр российских и восточноевропейских исследований (CREES), успешно функционирующий и по сей день под руководством выдающегося британского советолога Роберта Дэвиса. Дэвис некогда сотрудничал с Карром, подготовив вместе с ним фундаментальный двухтомный труд "Основы плановой экономики, 1926 - 1929" (L., 1969), явившийся частью 14-томного исследования Карра "История Советской России", хронологически доведенного до 1929 года. Дэвис продолжил работу Карра после его смерти, издав к настоящему вре-

¹⁰⁸ Davies, Robert W. Alexander Baykov. Неопубликованная биография, находится в библиотеке CREES.

мени 4 из 6 запланированных томов исследования о советской экономике с конца 1920-х годов до начала второй мировой войны¹⁰⁹.

Перестройка принесла с собой новые проблемы для советологов, причем как для тоталитаристского, так и для ревизионистского ее направлений. Казалось бы, все карты в руки ревизионистам, - открылись советские архивы, появились неограниченные возможности посещать Советский Союз, проводить исследования в области социальной истории, общаться с советскими коллегами, следить за беспрецедентным ростом социальной активности в СССР. Но шло время, открывались все новые подробности сталинских преступлений, были пересмотрены цифры жертв режима, складывалась картина страшного геноцида русского народа и других народов СССР. Полученные в архивах данные явно противоречили ревизионистской концепции. Все это способствовало возрождению тоталитарной модели, а распад СССР как будто подтверждал один из основных тезисов тоталитаристов о том, что советская система неререформируема в принципе, - она может быть только разрушена. Появляются новые советологические исследования, написанные в традиционном духе, в частности книги Ричарда Пайпса, Мартина Малия и Збигнева Бжезинского¹¹⁰. Очередная книга Р. Пайпса была выдержана в традиционном тоталитаристском духе и мало чем отличалась от его старых работ, разве что грандиозностью замысла. Отмечая, что в широком смысле слова русская революция длилась целое столетие, автор основное внимание в этой книге уделяет ее кульминационному этапу - с 1899 года до начала 1920-х годов. Иронизируя над ревизионистами с их "архивным фетишизмом", Пайпс считает основной сложностью научного исследования русской революции не нехватку источников (их более чем достаточно), а необъективность исследователей и довлеющие над ними идеологические установки¹¹¹. Обращаясь к истокам коммунизма и коммунистической партии в России, Пайпс пишет: "Политическая система, родившаяся в октябре 1917 года, стала как бы воплощением его (Ленина. - *А.Н.*) личности. Партия

¹⁰⁹ Davies, Robert W. The Industrialization of Soviet Russia. Vols. 1-4. Cambridge (Mass.), 1980 - 1996.

¹¹⁰ Brzezinski, Zbigniew. The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. N.Y., 1989; Pipes, Richard. The Russian Revolution. N.Y., 1990 (рус. пер.: Русская революция. В 2-х тт. М., 1994); Idem. Russia under the Bolshevik Regime. N.Y., 1993 (рус. пер.: Россия при большевиках. М., 1997); Malia, Martin. The Soviet Tragedy. A history of Socialism in Russia, 1917 - 1991. N.Y., 1992.

¹¹¹ Пайпс Р. Русская революция. Т. 1. С. 9.

большевиков была ленинским детищем; как ее творец, он создавал ее по своему образу и подобию и, подавляя всякое сопротивление извне и изнутри, вел по пути, который определил сам... Коммунистическая Россия с момента своего появления была диковинным отображением сознания и воли одного человека: его биография и история слились и растворились друг в друге.”¹¹² Соответственно этим установкам Пайпс рассматривает всю советскую историю как развитие ленинско-сталинской “революции сверху” с ее восходящими и нисходящими стадиями¹¹³.

Практически ничем от трактовки революции Пайпсом не отличается и версия Бжезинского: “В сущности своей это была западная доктрина, разработанная в читальном зале Британского музея одним интеллектуалом, немецким евреем. Затем это чужеземное растение было пересажено в далекую евразийскую империю с традициями полувосточного деспотизма, - пересажено одним автором брошюр, русским революционером, выступившим в роли хирурга истории... Это Ленин создал систему, которая создала Сталина, и это Сталин потом создал систему, сделавшую возможными сталинские преступления. Но Ленин не только обеспечил возможность сталинизма, он сделал большее - ленинский идеологический догматизм и политическая нетерпимость в значительной степени исключили возможность появления любых других альтернатив. В сущности, непреходящим наследием ленинизма является сталинизм.”¹¹⁴ Мартин Малия формально пытается встать “над схваткой”, указывая на некоторые недостатки “старой” тоталитарной школы, с одной стороны, и ревизионистского направления - с другой. Однако версия советской истории, изложенная М. Малия в книге “Советская трагедия”, до боли напоминает классическую концепцию “советского тоталитаризма”, все его симпатии также на стороне “тоталитаристов”.

Разумеется, идеи, потерявшие привлекательность еще в 1960 - 1970-е годы, невозможно было возродить на Западе в новых условиях, когда отношение к России и русским было наилучшим за весь послевоенный период. Невозможно было сбросить со счетов и знания, накопленные советологией в области социально-экономической и культурной истории России.

Таким образом, в начале 1990-х годов советология вступила в полосу очередного методологического кризиса, пожалуй, более глубокого, чем пре-

¹¹² Там же. Т. 2. С. 7.

¹¹³ Там же. Т. 1. С. 7-8.

¹¹⁴ Brzezinski Z. The Grand Failure. P. 21.

дыдущий, на рубеже 60 - 70-х годов. В то время речь шла о смене приоритетов в изучении советской истории, на сей же раз - о самом существовании советологии как науки. С новой силой вспыхнули методологические дискуссии, начавшиеся еще в 60-е годы. В конце 80-х и 90-е годы на Западе было опубликовано большое количество монографий и сборников статей¹¹⁵ по проблемам советологии, не говоря уже о газетных и журнальных публикациях¹¹⁶. Линия водораздела в спорах о прошлом и будущем советологии проходила между теми, кто считал советологию политической наукой, и теми, кто отождествлял ее с историографией.

Первые полагали, что, поскольку Советский Союз больше не существует, исчез сам предмет советологии. Кроме того, советология в любом своем качестве не выполнила своей основной функции - не смогла предсказать крушения Советского Союза и тех политических изменений, которые произошли в России впоследствии. Это значит, что деньги, выделявшиеся на развитие советологии в течение десятилетий, были потрачены впустую.

Вторые, напротив, считали “деполитизацию” советологии позитивным явлением и надеялись, что теперь, когда “холодная война” наконец закончилась, перед историками, как зарубежными, так и российскими, открываются новые перспективы, в том числе и в организации совместных исследований.

Действительно, “конец советологии” означал, что она становится фактом истории и, в связи с этим, объектом исторического исследования. В настоящее время появились не только работы о советологии и ее эволюции в

¹¹⁵ Labedz, Leopold. *The Use and Abuse of Sovietology*. Ed. by Melvin J. Lasky. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1989; Rutland, Peter. *Sovietology, from Stagnation to Perestroika?: A Decade of Doctoral Research in Soviet Politics*. Washington, D.C.: Kennan Institute for Advanced Russian Studies, 1990; Holden, Gerard. *Sovietology, Peace Research and Gender Studies: Historical Disciplines and the Possibility of Integration*. Frankfurt/Main: Peace Research Institute Frankfurt, 1992; Post-Communist Studies and Political Science: Methodology and Empirical Theory in Sovietology, ed. by Frederic J. Fléron, Jr. and Erik P. Hoffmann. Boulder, CO: Westview Press, 1993; Beyond Sovietology: Essays in Politics and History. Ed. by Susan G. Solomon. Armonk, NY, 1993; Beyond Soviet studies. Washington, D.C.: The Woodrow Wilson Center Press, 1995; Reexamining the Soviet experience: essays in honor of Alexander Dallin. Boulder, CO: Westview Press, 1996; Rethinking the Soviet collapse: sovietology, the death of communism and the new Russia. London; New York: Pinter, 1998.

¹¹⁶ Malia, Martin. From Under the Rubble, What? // *Problems of Communism*. 1992. Vol. XVI. № 1-2; Breslauer, George. In Defence of Sovietology // *Post-Soviet Affairs*. 1992. Vol. VIII. № 3; Tucker Robert C. Sovietology and Russian History // *Post-Soviet Affairs*. 1992. Vol. VIII. № 3; Shearer, David. From Divided Consensus to Creative Disorder: Soviet History in Britain and North America // *Cahiers du Monde Russe*. 1998. Vol. XXXIX. № 4.

целом, но и об отдельных выдающихся ее представителях, например, книга об Эдварде Карре, написанная одним из его учеников, Джонатаном Хэзламмом¹¹⁷. В подобных исследованиях, безусловно, проявляется стремление подвести некоторые итоги, выявить вклад советологии в мировую историографию.

Еще одной устойчивой тенденцией в развитии советологии и россиеведения 1990-х годов можно считать растущий интерес исследователей к истории российской провинции, городов и повседневной жизни советских людей в тот или иной исторический период¹¹⁸.

Таким образом, намечается постепенный выход советологии из кризиса и она обретает на пороге XXI века новые перспективы развития как деполитизированная и деидеологизированная наука, рассматривающая советский период российской истории в связи с ее многовековым историческим развитием.

¹¹⁷ Haslam, Jonathan. *The Voices of Integrity: E.H. Carr, 1892 - 1982*. London; New York: Verso, 1999.

¹¹⁸ См., в частности: Hamm, Michael F. *Kiev: A Portrait, 1800 - 1917*. Princeton, NJ, 1993; Pethybridge, Roger. *One Step Backwards, Two Steps Forward. Soviet Society and Politics under the New Economic Policy*. Oxford, 1990; Figes, Orlando. *The People's Tragedy: The Russian Revolution, 1894 - 1924*. London, 1996. Подобные исследования ведутся и в России (см. Лебина Н.Б. *Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920-е - 1930-е гг.* СПб., 1999)

Заключение

Советология как научная дисциплина формировалась в течение нескольких десятилетий в сложных условиях “холодной войны”, значительной политизированности западного общества, частью которого советологи, безусловно, являлись. Это было время, когда ненависть к “мировому коммунизму”, страх перед “советской угрозой” на Западе существенно влияли на исторические исследования. Во многом позиции советологов определялись также их личным жизненным и политическим опытом (допустим, служба в контрразведке), карьеристскими и материальными соображениями.

Наиболее драматичные страницы истории советологии связаны с борьбой двух основных направлений: **“тоталитаристского”** и **“ревизионистского”**¹¹⁹. Если в европейских странах, в частности в Великобритании, это противостояние не было решающим для развития советологии, то в США оно достигло невероятных масштабов, далеко выйдя за академические рамки.

В этом соревновании ни одно из направлений не смогло доказать свою правоту и утвердить монополию в советологии. На наш взгляд, это и невозможно. Единственно правильной и плодотворной была бы устремленность к сотрудничеству, к поиску того, что объединяет, а не разделяет историков, но, к сожалению, в советологии, особенно американской, попыток такого сближения не было.

Тем не менее нельзя сказать, что советология как научная дисциплина не состоялась и немалые деньги, направлявшиеся на ее развитие, были потрачены впустую. У каждого поколения историков, занимавшихся исследованием советской системы, были свои заслуги. Их исследования соответствовали духу времени, иногда, правда, опережая его, потребностям того общества, в котором они жили (или живут), и быть иными по духу просто не могли. Единомыслие и единообразие, будь оно тоталитаристским или ревизионистским, если бы и было возможным, стало бы губительным для науки.

¹¹⁹ При этом не следует сводить всю советологию к этим двум направлениям. Мало того, что они сами по себе были сложными и неоднородными, существовали и другие направления, а также историки вне направлений, такие, как Э. Карр, Р. Дэвис, П. Кенез и другие.

Несомненной заслугой советологов первого поколения явилось то, что они “тщательно описали” тоталитаризм. Но за этим не последовало другого, более важного, - объяснения. Тоталитаризм, будучи всесторонне описан, оказался “плохо объяснён”. Это замечание справедливо даже в отношении таких корифеев тоталитарной школы, как К. Фридрих и З. Бжезинский, сделавших акцент в описании режимов на их “простом идеологическом фанатизме”¹²⁰. Но недостатки и даже ошибки тоталитарной американской советологии, на которые указывают ревизионисты, вовсе не означают того, что тоталитарная модель проиграла в борьбе с ревизионизмом. Даже Стивен Козн считает, что “ещё очень рано для небольшой группы социальных историков во главе с Фицпатрик пересматривать научные изыскания по сталинизму в их первоначальном и существенном виде”¹²¹. А перестройка и последовавшие за ней события в современной России показали, с одной стороны, что ревизионисты “зашли слишком далеко”, корректируя некоторые чрезмерные образы “тоталитаризма”¹²². А с другой, как считает Ричард Пайпс, крушение коммунизма в России, которым так восхищались критики тоталитаризма, нанесло самому сообществу ревизионистов “такой удар, от которого им, похоже, не оправиться”¹²³.

Сегодня уже мало кто отрицает, что ранняя форма тоталитарной модели была неадекватной реальности и “частью уводящей в сторону”. Однако попытка ревизионистов заменить тоталитарную модель чем-то радикально новым не увенчалась успехом.

В столкновении с тоталитарной школой ревизионисты проиграли или, по крайней мере, не выиграли. Но это не исключает их положительного влияния на всю американскую советологию в части выработки новых методологических подходов и обращения в большей мере к социальной истории, в то время как их предшественники концентрировали своё внимание лишь на политике и идеологии. Историю ревизионизма и послевоенной американской советологии в целом, заключает Лакер, ещё предстоит написать, как и ответить на вопросы: а есть ли будущее у американской советологии и кто

¹²⁰ Daniels, Robert. *Is Russia Reformable? Change and Resistance from Stalin to Gorbachev*. Boulder, CO, 1988. P. 11

¹²¹ Cohen, Stephen. *Stalin's Terror as Social History* // *Russian Review*. 1986. Vol. 45. № 4. P. 377.

¹²² *Beyond Sovietology*. P. 238

¹²³ Pipes R. *1917 and Revisionists* // *National Interest*. 1993. № 31. P. 79

его будет определять? Вопросы не праздные, так как история американской советологии очень тесно связана с историей взаимоотношений между Соединёнными Штатами и Россией. Причём зависимость здесь прямо противоположная, по принципу “чем хуже, тем лучше”, то есть чем хуже были отношения между двумя странами, тем выше был интерес к России со стороны американских академических учреждений, тем большим был спрос на курсы по российской истории и русскому языку у американских студентов, тем больше было программ, грантов правительственных и частных фондов на научные исследования в сфере советологии. Будучи крайне политизированной, советология чутко реагировала на новые политические поветрия, переживая взлёты и падения, времена престижа и полузабвения.

Советологов сегодня иногда называют “экспертами ушедшего века”. По мнению Моше Левина, советологии больше нет, в лучшем случае, существует только “бывшая советология”¹²⁴. Как полагает Майкл Буравой, советология “родилась и выросла в идеологическом мыльном пузыре”¹²⁵.

Подобного рода крайности в подходах и оценках советологии среди самих американских ученых сегодня нередки. Однако ставить точку в истории науки с огромным интеллектуальным багажом и крупнейшей материально-технической базой для проведения исследований не просто рано, но и в принципе невозможно. Ошибки советологов, в том числе и методологические, вовсе не означают того, что научные исследования российской истории в Америке перестанут существовать. В таком случае следовало бы поставить крест и на российской историографии, исторический опыт которой тоже изобилует разного рода заблуждениями, а иногда и откровенной фальсификацией.

В своей замечательной работе “Переосмысливая советский опыт” Стивен Коэн, обращаясь к своим американским коллегам, заметил, что, возможно, было бы правильнее “оставить окончательную моральную оценку российской стороне; это их трагедии и достижения, и только им, а не нам принадлежит право судить об этом”¹²⁶. Сказано справедливо: ведь многое в российской истории понятно или, по крайней мере, близко только россия-

¹²⁴ Lewin, Moshe. Society, Past and Present in Interpreting Russia // Beyond Soviet Studies. P. 56.

¹²⁵ Burawoy, Michael. From Sovietology to Comparative Political Economy // Beyond Soviet Studies. P. 78.

¹²⁶ Cohen, Stephen. Rethinking the Soviet Experience. P. 34.

нам с их особым менталитетом. Поэтому в изучении русской, в том числе и советской, истории западные и российские историки могут с успехом дополнять и корректировать исследования друг друга. Таким образом, с нашей точки зрения, выход из современного кризиса и российской, и зарубежной историографии видится в развитии всех форм научных контактов и сотрудничества между историками.

Список рекомендуемой литературы

1. Кунина А.Е. США: методологические проблемы историографии. М., 1988.
2. Марушкин Б.И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969.
3. Малия М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. №5.
4. Малия М. Клио под надзором. Россия в американской историографии // Родина. 1997. №1.
5. Некрасов А.А. Современная американская и российская историография истории России XX века: некоторые проблемы развития и взаимодействия // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук: Исторические науки. Тезисы юбилейной конференции. Ярославль, 1995.
6. Некрасов А.А. Материалы по русской истории в архиве Гуверовского института войны, революции и мира // Архивы: история и современность. Материалы докладов научно-практической конференции. Ярославль, 1999.
7. Некрасов А.А. У истоков советологии: история создания журнала "Russian Review" (США) // "Век нынешний и век минувший..." Исторический альманах. Ярославль, 1999.
8. Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994.
9. Россия XIX - XX веков. Взгляд зарубежных историков. М., 1996.
10. Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. № 8.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ЛЕКЦИЯ I. РАЗВИТИЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ	9
ЛЕКЦИЯ II. РАЗВИТИЕ СОВЕТОЛОГИИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ (СЕРЕДИНА 1940-х - СЕРЕДИНА 1960-х гг.)	29
ЛЕКЦИЯ III. БОРЬБА “ТОТАЛИТАРИСТСКОГО” И “РЕВИЗИОНИСТСКОГО” НАПРАВЛЕНИЙ В СОВЕТОЛОГИИ В 1970 - 1990-е ГОДЫ	39
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62
СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	67

Некрасов Андрей Анатольевич
Становление и этапы развития
западной советологии

Текст лекций

Редактор, корректор А.А. Аладьева
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Лицензия ЛР № 020319 от 30.12.96.

Подписано в печать 08.06.2000. Формат 60×84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 3,95. Уч.-изд. л. 3,75. Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.

Ярославский государственный университет.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано
Издательство "ДИА-пресс".
Ярославль, Полушкина роща, 11.